

Дарья Донцова

Контроль и поцелуй

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Контрольный поцелуй

«ЭКСМО»

2001

Донцова Д. А.

Контрольный поцелуй / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2001 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

Поиски преступников приводят любительницу частного сыска Дарью Васильеву в столичное метро: здесь столкнули под поезд ее подругу Лиду. А некоторое время назад Даша видела дочь Лиды в инвалидной коляске, которую везла побирающаяся нищенка. Однако проникнуть в тайны закрытого для посторонних мира не так-то просто. И тогда, привыкшая доводить всякое дело до конца, Даша внедряется в `нищенский бизнес` подземки. Теперь ей положено побывать в руках `имиджмейкера` этой мафии. Она направляется к некой Мэрилин Монро, не подозревая о том, что разгадка ближе, чем можно было себе представить...

© Донцова Д. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	27
ГЛАВА 6	33
ГЛАВА 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарья ДОНЦОВА

КОНТРОЛЬНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

ГЛАВА 1

Я стояла у мойки и с тоской глядела на сырую курицу, присланную в Россию французскими умельцами-фермерами. Всем-то она хороша – и беленькая, и толстенькая, и складненькая. Плохо одно – совершенно не знаю, что с ней делать. Вчера вечером домашние категорично заявили: «Отварного цыпленка больше не хотим». Наша кухарка может приготовить из бройлера великое множество вкуснейших вещей: сациви, заливное, чахохбили... Я же знаю данные блюда только на вкус, но понятия не имею, что и в какой последовательности в них кладут. И вообще не умею и не люблю готовить, апофеоз моих кулинарных возможностей – яичница с луком. Но Катя попросила короткий отпуск, чтобы съездить к младшей сестре на свадьбу, а домработница Ирка, раньше с успехом заменявшая Катерину, свалилась на следующий день с гриппом. Ну не нанимать же на короткий срок приходящую прислугу? Тем более что никто из домашних терпеть не может незнакомых людей. На семейном совете решили: бороться с трудностями быта самостоятельно.

Сын Аркадий пообещал привозить в дом все необходимые продукты, невестка Ольга решительно взялась за пылесос, дочка Маша железно намеревалась мыть посуду... В доме еще безобразничают двое близнецов – Аня и Ваня, и их няня Серафима Ивановна, вздохнув, сказала: «Ладно, буду стирать на всех». Готовить не хотел никто, и эта участь выпала, понятно, на мою долю.

Есть женщины, творящие у плиты вдохновенно. Я не из их числа. Вид поднимающегося дрожжевого теста вызывает у меня чувство ужаса, а котлеты раньше всегда покупала готовые, по шесть копеек, «Полтавские». И ничего, все ели и даже облизывали тарелки. Теперь же, стоило только разбогатеть... Впрочем, лучше объясню все по порядку.

Несколько лет назад еще в той, советской жизни моя лучшая подруга Наташка ухитрилась выскочить замуж за француза. Как в сказках, оказалось, что избранник знатен и чудовищно богат. Наташку следовало теперь величать баронесса Макмайер.

Долгие годы до этого мы жили вместе с ней в моей двухкомнатной «распашонке» в спальном районе Москвы. Работали на богом забытой кафедре иностранных языков малопопулярного технического вуза. Только я преподавала французский, а Наташка трудилась лаборанткой. На круг у нас выходило с ней около двухсот рублей в месяц. Ртов же в семье много – сын Аркашка, кошка Маркиза, белая крыса Фима и хомяк Фома. Последний приводил нас с Наташкой в настоящий ужас. Есть он хотел постоянно и, если обнаруживал пустую кормушку, в негодовании тряс клетку, издавая звуки, на которые и голодный крокодил не сподобится. В особенности такое поведение «радовало» по ночам, поэтому большое значение придавалось тому, чтобы подать Фоме сытный, сверхкалорийный ужин. Одна из наших знакомых однажды была просто шокирована разыгравшейся на ее глазах сценой: пятилетняя Маша тянется к куску сыра.

– Положи сейчас же! – кричит Наташка. – Это для Фомы.

Естественно, чтобы накормить такую компанию, я постоянно думала о заработках. С утра до ночи носилась по частным урокам, сшибая рубли и копейки. Дети быстро росли, одежда на них просто горела, и мы с Наташкой давно перестали носить юбки. Под брюки можно надеть и заштопанные колготки.

Наташкино замужество разом все в нашей жизни переменяло. Естественно, семья получила приглашение приехать в Париж. На следующий день после нашего прибытия Жана Мак-

майера, супруга Натальи, убили. Никаких родственников, кроме жены, у несчастного не было, и Наташка стала обладательницей трехэтажного дома в предместье Парижа, огромного счета в банке, хорошо налаженного, прибыльного бизнеса и уникальной коллекции живописи, собирать которую начал еще дедушка Макмайер. Из нищих, считающих копейки женщин мы разом превратились в супербогатых людей. Выстроили себе двухэтажный дом в подмосковном поселке Ложкино и стали жить на две страны. Удивительное чувство уверенности наполняет теперь наши души. Капиталы размещены во Франции, и мы не боимся российских экономических кризисов. Как жена, Наталья сразу же получила французское гражданство, мне же пришлось с этим три года подождать. Зато теперь у каждого в семье по два паспорта – красный российский и синий – французский.

Богатство позволило заниматься тем, чем хочется. Аркадий закончил юридический факультет и стал адвокатом. Его жена Оля, имеющая дома кличку Зайчик, штурмует французский, английский и арабский в институте иностранных языков. Для Маши нашли великолепный колледж. А у Наташки неожиданно открылся самый настоящий талант. Она стала сочинять любовные романы. Причем, описывая московскую действительность, создает свои «шедевры» на французском языке. По непонятным для меня причинам, парижанки расхватывают ее «рукоделие», как горячие пирожки, и подруга стала зарабатывать такие деньжищи, что у меня просто появился комплекс неполноценности. Потому что я ничего не делаю. Разве можно назвать работой четыре учебных часа в неделю с милыми приятными дамами, директорами книжных магазинов? Это же просто отдых, да и ухожу я от них нагруженная новинками детективов. Жизнь моя прекрасна, и портит ее только прехорошенькая курица, беззащитно выставившая упитанные ножки.

Где-то в библиотеке валялась кулинарная книга!

Я поднялась на второй этаж и порылась на полках. Ага, вот она! «Кулинария для всех. Тысяча рецептов блюд быстрого приготовления».

Я притащила драгоценный том на кухню и принялась в упоении листать страницы. Кто бы мог подумать: сто пятьдесят рецептов из птичьего мяса! Ну-ка поглядим «Фаршированное счастье». Я в ужасе уставилась в текст. Время приготовления – два часа! Ничего себе советы! «Снимите с курицы целиком кожу, не повредив ее». Это уж слишком! Даже под страхом смертной казни не сотворю такое. А вот другой рецептик: «Белый соус следует методично растирать на протяжении получаса, потом процедить во избежание комков и кипятить на медленном огне двадцать минут, постоянно помешивая». С ума сойти! Нет, уж лучше позвоню Лиде. Есть у меня одна ненормальная подруга, проводящая всю жизнь на кухне. Может, посоветует что-нибудь попроще.

У Артамоновых никто долго не брал трубку. Наконец прошелестел тихий голос:

– Аллю.

– Можно Лиду? – попросила я. Кто это подошел к телефону? Родственники, что ли, приехали?

– Слушаю, – безжизненно ответила моя подруга.

– Лидуся? – удивилась я. – Что случилось, заболела?

Лидочке тридцать с небольшим хвостом, она третья жена брата моего четвертого мужа. Веселая, никогда не унывающая Лида, всегда разговаривает бодрым голосом, энергия просто переливается в ней через край. Ее муж, Андрей, неожиданно преуспел в делах и попробовал было запереть молодую жену в четырех стенах, но не тут-то было. Шепутная Лида продолжает работать гримершей в театре, успела родить ему двоих детей, а в доме у них невероятная чистота, и к обеду подают не менее трех блюд. При этом учтите – кухарки Лида не держит. Приглашает лишь домработницу убирать необъятные восьмикомнатные хоромы.

– Нет, – вяло ответила Лидочка, – у нас тут ремонт, устала очень.

Но что-то в ее голосе показалось подозрительным. Ремонт! Да они только весной полностью перепланировали квартиру, а на дворе сентябрь!

– Сейчас приду, – пообещала я.

– Не надо, – вяло отреагировала Лидуся.

Совсем странно. Да к ним можно обвалиться в любое время без предварительного приглашения. Андрюша, бывший актер, теперь удачливый режиссер и продюсер; свекровь Валерия Петровна – преподаватель актерского мастерства. Все привыкли поздно ложиться спать и вставать после полудня. Вечно у них полно всякого народа, даже детей – полуторагодовалую Полю и восьмилетнюю Надю не затащишь в кровать раньше полуночи.

Я взглянула на покрытую пупырышками курицу и быстро записнула эту красавицу в необъятный холодильник. Значит, так, на ужин куплю своим готовых салатов и чего-нибудь быстрозамороженного, а с обедом переберусь. Ну, съезжат в ресторан, в конце концов. А то мне досталась самая тяжелая работа. Аркадий вчера продуктов не привез, забыл дома список, Ольга сумела пропылесосить только одну столовую и свалилась с больной спиной, Маня тарелки с остатками пищи записнула в посудомойку... Значит, и я могу один раз не приготовить обед.

Квартиру на улице Усиевича Артамоновы купили примерно года четыре назад. Как раз в это время Андрюша взлетел на гребень успеха. Три спектакля, в которые он вложил деньги, моментально стали гвоздями сезона. Усатая физиономия Артамонова замелькала на экране, знаменитые актеры, страдающие от отсутствия ролей, стали обрывать телефон. На следующий год успешных постановок оказалось целых семь. Тут же купили дачу в Переделкине и «Мерседес».

Я поднялась на пятый этаж и позвонила. За дверью послышалось тихое повизгивание. В семье Артамоновых живут два щенка от нашей йоркширской терьерши Жюли и английского мопса Хуча. Створки тихонько приотворились, и на пороге появилась Лидуся, но в каком виде! Красивые каштановые волосы до плеч, всегда безукоризненно уложенные, сейчас свисают грязными сосульками. Она не накрашена. Веки покраснели и распухли, словно моя подруга долго плакала, лицо какое-то мятое. И в первый раз за долгие годы знакомства я увидела Лиду в халате.

– Ты заболела? – спросила я, входя в просторный холл, который с весьма своеобразным вкусом Андрюша отделал под «охотничий зал». Пальто и куртки предлагалось вешать на оленьи рога, на стене – картина, изображающая гору битой дичи, тут и там чучела: утка, сова, белка... Полный мрак. Но Артамонов в телячьем восторге.

Лида молча смотрела, как я вешаю куртку и достаю из сумки несколько «Киндер-сюрпризов».

– А где девочки?

– В школе, – сухо уронила подруга.

В школе? В воскресенье? И полуторагодовалая Поля тоже? Да что происходит?!

По старой привычке мы пошли не в гостиную, а на кухню. Я с удивлением осмотрелась. Полный беспорядок. В мойке гора грязной посуды, на столиках громоздятся самые невероятные вещи – крем для обуви, бритвенный станок, пузырек с чернилами... Похоже, Лидуся и впрямь заболела, обычно у нее тут хирургическая чистота.

– Ладно, – покладисто отозвалась я, – в школе, так в школе. Пойду яйца на кровать положу.

Следующее удивление поджидало в комнате у старшей дочери Артамоновых. Восьмилетняя Надюша – вдохновенная неряха. Чтобы без конца не ругаться с ребенком, Лидочка приняла соломоново решение: просто не обращать внимания на разбросанные повсюду книги, конфеты, игрушки и фломастеры. Раз в неделю няня раскладывает все по местам, но уже через полчаса артистический беспорядок плавно переползает с письменного стола на пол...

Сегодня же Надюшина детская выглядела словно выставочный образец. На письменном столе стопочки учебников и тетрадей, мишки, зайчики и жирафы аккуратным порядком восседают на полках, кукольный дом «Лего» скромно стоит в углу, книжки выстроились по росту, и нигде не видно конфетных бумажек, пустых пакетиков из-под чипсов, оберток от мороженого...

Я распахнула дверь комнаты напротив. Полина пока спит вместе с няней, поэтому в большом тридцатиметровом помещении две кровати. И снова – изумительный, идеальный, невероятный порядок. А на том месте, где ночью лежит няня, нет подушки, просто ровно натянутое сиреневое покрывало.

– А где Зина?

– Отправилась к матери, там что-то случилось, – нехотя сообщила Лида, явно тяготясь моим любопытством.

Я поглядела на ее безжизненное лицо, еще раз обозрела идеально убранные детские и резко сказала:

– Хватит врать! Говори быстро, что у вас случилось?

Лида судорожно зарыдала и плюхнулась на застеленную покрывалом детскую кровать. Я побежала на кухню за водой.

Минут через десять Лидуся кое-как утерлась рукавом халата и, продолжая время от времени всхлипывать, рассказала жуткую историю, приключившуюся с ее семьей ровно десять дней назад.

Поля и Надя практически никуда не ходят одни. Старшую в школу водит отец, на плавание и к художнику – домработница. Учителя английского и немецкого приходят на дом.

В тот страшный день около четырех часов дня девочки вышли погулять вместе с няней Зиной во двор. Они рисовали мелом на асфальте, когда Валерия Петровна позвала няню. Зинаида поднялась домой буквально на пять минут, велев сестрам не отходить от подъезда. Когда она спустилась вниз, детей не обнаружила. Няня выскочила на улицу – никого. Во дворе играли ребятишки, живущие в доме, но никто из них не заметил, куда подевались Поля и Надя.

Обезумевшая нянька прибежала домой. От ужасного известия у Валерии Петровны случился сердечный приступ, и несчастная Зинаида вызвала «Скорую». Родители узнали о случившемся только около двенадцати ночи. У Лиды в этот день был спектакль со сложным гримом, а Андрюша засиделся на репетиции. И отец, и мать имеют мобильные телефоны, но перепуганная Зинаида никак не могла найти записную книжку, а Валерия Петровна только стонала и плакала.

Пока убитые горем родители собирались с духом, чтобы идти в милицию, в полночь раздался звонок.

– Мамочка, папочка, я жива, – кричала в трубку Надя, – и Поля тоже, мамулечка!..

Но тут ее голосок оборвался, и Лида услышала хриплый типично украинский говор:

– Слушай сюда, тетя. Дитятки твои у нас. Если шуметь не станешь – получишь назад живыми, обратишься в милицию – пиши пропало, разберем на запчасти.

Дальше Лидочка не дослушала, потому что грохнулась в обморок. Трубку перехватил Андрей и, не обращая внимания на валяющуюся на ковре жену, принялся спрашивать:

– Что вы хотите?

– Пока подождешь, – издевательски сообщил собеседник, – придумаем – позвоним. А ты попомни, поднимешь шум – покойницы твои дочери. Будешь молчать – вернем.

– Когда? – завопил Андрей. – Зачем они вам?

Но в ухо уже неслись настойчивые гудки. Больше таинственные похитители на связь не выходили. Лида хотела тут же бежать в милицию, но Валерия Петровна остановила невестку.

– Слышала, что пообещали негодяи? – всхлиывая, бормотала разом постаревшая свекровь. – Если будем вести себя тихо, девочек вернут.

И вот теперь Лидуся боится выйти из дома даже на минуту, чтобы не пропустить звонка. Похититель воспользовался их квартирным телефоном, скорее всего не зная про мобильные. Андрей целыми днями пропадает на работе, дома старается бывать как можно реже. Валерия Петровна бродит по квартире, как тень. Няньку Зинаиду моментально рассчитали. Андрей пригрозил женщине, что, если та хоть пикнет о происшедшем в семье Артамоновых, ей несдобровать. Всем знакомым сообщили об отъезде девочек в лесную школу. Мол, плохо стало со здоровьем, вот и отправили в санаторий.

За десять дней Лида похудела на восемь килограммов, перестала спать и находилась на грани безумия...

Ее ужас передался мне, я заметалась по огромной комнате, вытаскивая из кармана телефон.

– Как вы могли пойти на поводу у мерзавцев! Ведь они специально пугали вас, чтобы, не дай бог, не побежали в милицию! Надо немедленно искать детей! Сейчас позвоню одному знакомому, он в системе МВД...

Но Лидочка повисла у меня на руке, лихорадочно умоляя:

– Нет-нет, узнают, убьют девочек. Оставь, не надо!

Я посмотрела в безумные глаза подруги, на мелко трясущиеся руки и дергающуюся левую щеку. Бедняжка совсем потеряла рассудок. Хотя неизвестно, как бы повела себя я, окажись, не дай бог, на ее месте.

– Послушай, – попробовала я урезонить Лидусю, – это мой добрый, старый приятель, полковник милиции.

– Нет-нет, – трясла головой несчастная мать, – только не это...

– В конце концов, можно нанять частного детектива.

– Ни за что, – угасающим голосом запротестовала Лида, фаза отупения пришла у нее на смену нервному возбуждению. Подруга начала судорожно зевать, потом, еле-еле ворочая языком, пробормотала: – Дашута, посиди у телефона, вдруг позвонит.

В ту же минуту глаза ее закрылись, и она кулем повалилась на Надюшину кровать. Я села в ногах и постаралась собраться с мыслями. Нет, так нельзя. Конечно, сволочь, укравшая детей, запугала родителей и бабу до потери пульса. Но я-то в полном разуме и, кстати, являюсь Наденькиной крестной матерью. Неужели тоже буду сидеть, сложив руки и проливая слезы? Мне всегда казалось, что в подобных случаях следует как можно быстрее обратиться к профессионалам. Любое преступление легче всего раскрыть по горячим следам, и так уже десять дней прошло!

Я поглядела на Лидочку и, удостоверившись, что она крепко спит, набрала номер полковника.

ГЛАВА 2

Домой я собралась только около девяти вечера. Все не хотела будить измученную подругу. Наконец та раскрыла глаза, села на кровати и тут же заплакала.

«Ну не сволочи ли ее муженек и свекровь», – со злостью подумала я, протягивая Лидусе стакан с валерьянкой. Бросили бедняжку одну дома! Да ей в клинике следует лежать под постоянным присмотром, а не изводиться в одиночестве, в пустой детской! В конце концов после недолгих колебаний я угостила несчастную мать стаканом чая, где растворила две найденные в аптечке таблетки родедорма. Пусть поспит до утра спокойно, а там станем разбираться на трезвую голову.

Удобно устроив подругу на кровати, я написала Андрюшке все, что про него думаю, и спустилась к «Вольво». И тут позвонила Маша.

– Мусечка, ты где? – вкрадчиво завела дочь.

– Скоро буду, а что?

– Видишь ли, – продолжала мяться Манюня, – задали на завтра доклад «Размножение обезьяны».

– Но при чем тут я?

Выяснилось, что очень даже при чем. Забывчивая Маша не захватила из академии книгу «Жизнь приматов». И теперь мне предлагалось заехать за книгой к дочкиной одногруппнице.

– Совсем недалеко, – виновато просила Марья. – Алтуфьевское шоссе, сейчас уже вечер, народу мало, быстренько смотаешься. А то поставят незачет...

Чертыхаясь, я принялась искать неведомую ранее магистраль. Машка твердо решила стать после окончания школы собачьим доктором и три раза в неделю исправно посещает занятия в Ветеринарной академии. Преподавание там поставлено серьезно, от детей требуют бесконечные рефераты, доклады и сообщения. Вечно она готовится к каким-то семинарам, коллоквиумам, экзаменам. Мне просто стало дурно, когда случайно увидела таблицу «Строение собачьего уха». Нет, такое выучить невозможно! Но Маня упорно продирается сквозь колючие заросли науки.

– Давай, старшая! – подначивает ее обычно брат. – Домашний ветеринар в хозяйстве пригодится.

Это святая правда. В доме живет куча животных. Одних собак пять штук. Сначала, правда, обзавелись двумя: питбулем Банди и ротвейлером Снапом.

Честно говоря, думали, что покупаем злобных сторожей. Кеша даже привинтил возле домофона на воротах красочную табличку: «Осторожно! Злая собака!»

И пит и ротвейлер попали в дом месячными щенками. Брали их одновременно, чтобы, по выражению Зайки, «росли братьями». Они были такие маленькие, такие беззащитные, так плакали первой ночью в специально купленной корзиночке... В середине ночи Кеша не выдержал и взял их в постель. Подрастая, собаки стали ходить на плюшевые игрушки. Редко кто оставался безучастным, глядя, как толстозаденький Снап и голенастый Банди пытаются влезть по лестнице на второй этаж. И, конечно же, мы их постоянно кормили, засовывая в жадные щенячьи рты лакомые кусочки. Опомнились только через год, когда поняли, что по дому носятся две почти пятидесятикилограммовые лошади, абсолютно неспособные охранять хозяев. Всех людей, чужих и своих, бравые «секьюрити» встречают, радостно повизгивая. Ситуация усугубилась тем, что щенков принесли в дом, где безраздельно царствовали кошки – трехцветная Клеопатра и белая Фифина. Сначала киски пришли в полное негодование и залезли на книжные шкафы, гневно шипя на наглых малолеток. Потом принялись их страстно воспитывать: били за провинности, кусали и фыркали. Результат не замедлил сказаться. Питбуль Банди боится вообще всех кошек, а ротвейлер Снап только наших. Еще Клеопатра и Фифина научили

щенков мыться и драться по-кошачьи. Когда Снап сосредоточенно нализывает переднюю лапу, а потом тщательно начинает мыть морду, незнакомые собачники цепенеют.

Правда, кошки у нас тоже не совсем обычные. Дело в том, что их детство и юность прошли рядом с белой крысой Фимой, и наши дурочки решили, что все мыши их лучшие друзья. Во всяком случае, когда Машины хомяки Зюка и Зика удирают из банки, чаще всего мы находим их под животом у Фифины или под мордой Снапа. Банди при виде хомячат убегает, их он тоже боится.

Потом один из приятелей, уезжая на несколько месяцев в командировку, оставил у нас карликового пуделя Черри. И просто забыл про собачку, ее тоже пришлось принять в стаю.

Честно говоря, думали, что больше «скотный двор» разрастаться не станет, но тут у Аркаши и Зайки родились близнецы, мы нашли няню Серафиму Ивановну, а у той оказалась очаровательная йоркширская терьерша Жюли. Последнее приобретение – английский мопс Хуч. Но об истории его появления расскажу потом.

Я тихо катилась по Алтуфьевскому шоссе и, как было оговорено, возле магазина «Тюльпан» заметила худенькую девочку в желтой куртке. Забрав «Жизнь приматов», порулила в Ложкино, но в самом центре Москвы, недалеко от входа в метро «Маяковская», «Вольво» встал, категорически отказываясь двигаться дальше.

С помощью подошедшего гаишника вызвала сервисную службу и через полчаса выслушала приговор: машину починят, но только завтра к вечеру. Отдав механикам ключи, я в растерянности встала у памятника поэту и принялась звонить домой.

– Машина сломалась, сейчас начну ловить такси.

– Ни в коем случае, – тут же отозвалась Зайка, – стой, где стоишь, я мигом за тобой приеду.

Я поглядела на часы – одиннадцать. Скорее всего Ольга уже в кровати, она любит пораньше зарыться в одеяльце с книжкой и шоколадкой. Представляю, как ей хочется ехать в Москву!

– Нет-нет, возьму машину, не волнуйтесь, на меня никто не польстится.

– На тебя нет, – согласилась безжалостная Зайка, – а на твои серьги, кольца и часы охотники найдутся.

Мы попрепирались еще немного и пришли к компромиссу. Я еду до станции «Речной вокзал» на метро, а Ольга встретит меня у выхода.

Несмотря на поздний час, вагоны оказались переполнены. Мне досталось место в самом конце вагона, на маленьком диванчике. Сев, от скуки стала разглядывать попутчиков. Серые, землистые лица, слегка нанесенный макияж у женщин и чуть проступающая щетина у мужчин. Многие держат в руках дешевые карманные издания. Никто не смеется, не болтает. Просто человек сорок усталых, измученных работяг, несущихся по тоннелю.

На «Белорусской» в вагон ввалилась толстая женщина с огромными кулками. Обозрев сиденья, она подошла ко мне и попыталась устроиться рядом. Диванчик, где я сидела, страшно неудобный. Двоим просторно, а троим – тесно. Но дама преисполнилась решимости отвоевать вожаделенное место. Напряженно сопя, она принялась втискивать необъятный зад в узенькое пространство, оставшееся между мной и парнишкой в потертых джинсах.

Зад не влезал, но его обладательница сосредоточенно ткнула мальчишку локтем и заметила:

– Могли бы подвинуться.

Мы с пареньком вжались в бортики. Распространяя запах пота, бабища умостила и злобно проговорила:

– Развалились будто у себя дома, а человеку после работы присесть негде.

– Жрать меньше надо, – окрысился паренек, – такие, как вы, должны двойную плату за проезд вносить.

- Ах ты, гаденыш! – взвилась баба, больно пихая меня жирной рукой в перстнях.
- Жаба эфиопская, – не остался в долгу мальчишка.

Я невольно улыбнулась: ну при чем тут Эфиопия? И все же нарастающая ругань начала действовать мне на нервы, я встала и отошла поближе к двери.

На «Динамо» в противоположный конец вагона вкатилась инвалидная коляска.

– Люди добрые, – зашебетал проникновенный голос, без запинки выкрикивая заученный текст, – мы сами приехали с Владивостоку, ребенка на операцию привезли по поводу параличу, кто не верит, гляньте документы. Подайте, сколько можете, на лечение. Дай бог вам счастья и здоровья вашим детям.

Я поглядела на говорившую. Толстый платок не скрывал розовощекого деревенского лица, а под потертым плащиком угадывалась складненькая девичья фигурка. Лет попрошайке от силы шестнадцать-семнадцать, и она никак не может быть матерью ребенка, дремлющего в коляске. Я присмотрелась к инвалиду. Похоже, девочка и впрямь больна. Бледное, даже синее лицо, бескровные губы, и спит каким-то неестественным сном. Ноги несчастной укутаны в застиранное байковое одеяльце, ручки с обгрызенными ногтями безжизненно покоятся на коленях.

Нищенка собрала дань и подкатила коляску к двери, прямо к моему носу. Тут поезд остановился в тоннеле. Я продолжала рассматривать больную. Примерно около восьми лет, на правой щеке довольно крупная родинка, русые волосы давно не мыты, на левой руке у запястья тонкий шрам. Какие-то странные воспоминания зашевелились в моей голове. У кого из знакомых детей тоже есть такая родинка и подобный шрам? Поезд поехал. Девочка открыла глаза, огромные, синие, и прошептала:

- Пить хочу.
- Сейчас выйдем, и попьешь, – равнодушно заметила попрошайка.

Параличная закрыла глаза, состав встал на станции «Аэропорт». Коляска с грохотом выкатилась на платформу. Больная повернула голову, вновь раскрыла глаза, встретилась со мной взглядом и внезапно закричала. Состав уносил меня дальше, но я словно провалилась в обморок.

Боже мой, нет, неправда! Парализованная в коляске – это же Наденька Артамонова, пропавшая дочь Лиды. У нее крупная родинка на лице, а шрам заработала, когда порезала в пять лет руку, разбив стакан. Бежала и упала прямо на осколки... Ребенок узнал меня, а я ее нет, потому что Наденька, всегда веселая, подвижная хохотушка и болтушка, совершенно не походила сама на себя. Такой тихой и обреченной не видела ее никогда!

Перегон от «Аэропорта» до «Сокола» показался вечностью. Вскочив в обратный поезд, я вылетела на «Аэропорте» и заметалась по перрону. Два выхода! Куда податься? Добежав до дежурной, низенькой толстой тетки в красном берете, я, задыхаясь, проговорила:

- Девочки в инвалидной коляске не видели?
- Дежурная отрицательно покачала головой.
- Я бросилась к стоящему рядом милиционеру:
- Сейчас тут не проезжала парализованная?

Страж порядка глянул поверх моей головы и, даже не удосуживаясь ответить, только пошевелил подбородком.

Кипя от злости, понеслась к другому выходу. Как же, небось все нищие платят дежурным и милиционерам мзду. Иначе чем объяснить странную слепоту тех, кто призван наводить в метрополитене порядок? Вот, например, прямо у ступенек сидит молодой парень без обеих ног. Предположим, этого просто пожалели, действительно страшное несчастье. Но вот две бойкие старушонки с табличками «Собираю на похороны внуки», опухший дядя с палкой в руке и лицо кавказской национальности, на вид совершенно здоровое? Ведь клянчат в двух шагах от дежурных, а никто и ухом не ведет!

Я бегала по перрону, опрашивала сидевших на лавочках, но все куда-то спешили, и никто не запомнил девочку в инвалидной коляске.

А ведь Наденька кричала.

Примерно около двенадцати вышла наконец на «Речном вокзале» на улицу. Взволнованная Ольга накинулась на меня с воплем:

– Ты что, на коленях от «Маяковской» ползла? Думала, несчастье с тобой случилось!

Но я не стала рассказывать ей о Наденьке: чем меньше людей знает, тем лучше.

Дома на кухне обнаружила несколько коробок из-под салатов, пиццы и замороженной рыбы. Не успела я запихнуть в микроволновку кусочек пиццы, как влетела, уже в пижаме, Маша.

– Давай книжку! – заорала дочка.

Я похолодела. А где «Жизнь приматов»?

– Ну, – торопила Маня.

– Извини, котик, – промямлила я, – кажется, я ее потеряла.

– Где? – потребовала ответа девочка.

Ну не глупый ли вопрос! Если бы знала, поехала бы и взяла. Может, выронила в вагоне, может, на станции. Правда, остается маленький шанс, что столь необходимое издание преспокойно лежит в «Вольво».

– Ведь знала, что тебе ничего нельзя поручать! – в сердцах выкрикнула Маня и ринулась в спальню.

Я машинально попробовала откусить замороженную пиццу. Интересно, а моя сумочка где? Там ключи, права, кошелек, косметика... Хорошо хоть телефон сунула в карман! Слава богу, вот он в другом кармане! И почему пицца не подогрелась за десять минут? А, забыла включить печку. Может, следует начинать пить стугерон или ноотропил? Хотя, как говорит Кешка, если головы не было до сорока лет, то потом уже не будет никогда.

ГЛАВА 3

Утром выползла в столовую к девяти утра. Для меня безумная рань. Долгие годы работы преподавателем вселили стойкое отвращение к утреннему пробуждению. Люблю поспать до одиннадцати, но, к сожалению, последнее время редко удается осуществить эту мечту. Близнецы просыпаются в семь и будят дом радостными визгами. Серафима Ивановна пытается закрыть их в детской, но Анька запросто переваливается через край манежа и бодро, слегка покачиваясь на толстых ножках, выносится в коридор. Оставшийся в одиночестве братец начинает орать как оглашенный. Ваньке пока не удаются подобные трюки.

Проглотив кофе, набрала номер Александра Михайловича.

Он наш старый и добрый друг. Дружим столько лет, что точно и не припомню, еще с тех пор, когда Александр Михайлович учился в Академии МВД, а я пыталась там подрабатывать. С тех пор наша дружба не раз проверялась на прочность, многократно полковник вытаскивал нас из самых разных неприятностей, и я знала, что на него всегда можно положиться. Он из тех профессионалов, которые, наступив на горло собственной песне, способны даже отпустить похитителей, если это поможет вернуть ребенка.

Александр Михайлович выслушал взволнованный монолог, вздохнул:

– Сказал тебе вчера и повторяю сегодня: без заявления родителей не могу дать делу ход.

– Они сильно напуганы и боятся преступников...

– Все равно не имею права.

– А если заявлю я?

– Что?

– Ну, дети пропали, а я, крестная мать, волнуюсь.

– Нет, – отрезал полковник, – только родители. И потом, откуда знаешь, что малыши пропали?

– Ты что, белены объелся? – возмутилась я. – Который раз тебе объясняю, я Наденьку вчера видела...

– Запросто могла ошибиться, – вздохнул полковник, – ну зачем воровать ребенка из хорошей семьи...

– Так еще и Полину украли...

– Тем более. Зачем брать девочек у благополучных родителей, чтобы возить в метро под видом калек? Да всю Москву наводнили «убогие» из Украины и Молдавии. Потом, полно алкоголиков, бомжей, отдающих ребенка в нищенский бизнес. Глупо и опасно брать для этого таких детей, как Артамоновы. Скорее всего потребуют выкуп или...

– Или?

– Или сами отец с матерью от них избавились.

– Как?

– Просто. Взяли и выгнали из дома, сплошь и рядом такое творится. У нас по сводкам, знаешь, каждый день – то младенец убитый, то ребенок удушенный. А вот вчера повязали мужика. Добрый папа посадил пятилетнюю девочку на цепь и не давал даже воды: слишком много ела, на его взгляд, а зарплата маленькая... Но, правда, он ей не родной отец, а отчим! Так что, извини! Напишут родители заявление, с дорогой душой помогу!

Вот чинуша! Я швырнула трубку на диван. Хотя, работая столько лет в системе МВД, трудно сохранить сострадательную душу, и, естественно, полковник подозревает абсолютно всех и вся. Но Лида и Андрюша обожали девочек. У Артамонова не первый брак и предыдущие жены не родили ему детей. Почему-то не могли. Лида тоже забеременела не сразу, примерно года через два после свадьбы, и это было полным счастьем для всех. Андрюша все девять месяцев пылинки с жены сдувал, лично давил соки и бегал на рынок за свежим творогом и печен-

кой. Когда ждали рождения Полины, мужик слегка поутих, но все равно выполнял Лидкины прихоти, покупая все, что душа пожелает. У детей отличные комнаты, набитые игрушками под завязку, лучшие учителя, великолепное питание...

Нет, подозревать Артамоновых невозможно. И потом, видела вчера Лидку, такое не сыграешь! Ладно, поеду к ним снова и уломаю их подать заявление.

На этот раз дома оказались все. Бледная Лида зябко куталась в халат, Андрей ел геркулесовую кашу, а Валерия Петровна пила изумительно ароматный кофе из тонкой кобальтовой чашечки. На мои страстные речи первой отреагировала именно она.

– Нет, Дашенька, спасибо за участие, но подождем пока, что потребуют похитители. Если денег, продадим все и выкупим девочек.

Я во все глаза глядела на эту женщину. Язык не повернется назвать ее старухой, хотя возраст подкатывает к семидесяти. Изумительная, абсолютно девичья фигура, густые волосы безукоризненно уложены, макияж выше всяких похвал – лицо такое, будто на нем совсем нет косметики. Хотя знаю, сколько усилий прикладывают женщины, чтобы получить персиковый цвет лица.

Валерия Петровна преподает в театральном вузе актерское мастерство. Говорят, в молодости талантливо и с успехом выступала на сцене МХАТа, но после войны ни разу не выходила на сцену, только преподавала. Иногда она, смеясь, называет себя «конфеткоделательницей». В первый раз услышав это слово, я не поняла, о чем речь, и Валерия Петровна охотно пояснила:

– Берешь говно и делаешь конфетку!

Как многие актеры, Валерия Петровна весьма неводержанна на язык, и Лидочка уводит детей, когда бабушка пускается в длительные воспоминания. А вспомнить есть что! В молодые годы женщина была удивительно, уникально красива. У нее в спальне на видном месте стоит гигантская фотография: двадцатипятилетняя Лерочка нежно улыбается, сжимая в руках розу. Правда, Андрюшка как-то проговорился, что Валерии Петровне на том снимке под сорок. Поверить невозможно, такие лица не встречаются на улице или в магазинах, совершенная, какая-то неземная красота. Поклонники вокруг Леры Липатовой роились тучами, но она, беспечно заводя романы и без сожаления разрывая их, не торопилась связать себя брачными узами. Замуж вышла поздно, выбрав из всех ухажеров композитора Артамонова, и не прогадала. Жизнерадостные песни мастера с энтузиазмом распевала вся Страна Советов. Признанный народом и обласканный властями, Михаил Артамонов, к сожалению, прожил недолгую жизнь, но можно смело сказать, что последние годы, проведенные вместе с любимой Лерой, оказались самыми счастливыми. У Михаила Артамонова был сын от первого брака – Кирилл. Валерия Петровна родила Андрюшу. Разница в возрасте у мальчиков пустяковая – всего несколько лет.

К чести Валерии Петровны, надо отметить: она сделала все для того, чтобы Кирюша относился к ней, как к родной матери. Из всех гастрольных поездок привозились две одинаковые сумки с подарками для мальчиков. И между прочим, саквояжик для Риммы Борисовны, мамы Кирилла, тоже. Ни один праздник в доме не обходился без присутствия «родственников». Даже когда Римма Борисовна весьма удачно снова вышла замуж и родила сына Геру, она продолжала частенько прибегать в дом к Артамоновым. Летом, на громадной трехэтажной даче в Пахре мило уживались все вместе. Бывала там и я, в годы своего недолгого брака с Кириллом. Дача напоминала детский сад: дети Кирилла от первого брака и внуки нового мужа Риммы Борисовны. За хозяйством приглядывали две домработницы, на веранде стоял гигантский обеденный стол, на который запросто мог совершить посадку вертолет.

На моей памяти Валерия Петровна никогда не занималась хозяйством и детьми. Нет, она искренне любила Андрюшу, дала ему прекрасное образование. В дом постоянно приходили преподаватели. С пяти лет ребенок болтал по-английски, играл на пианино, занимался плаванием, теннисом... Но всяческие сюсю-мусю у Артамоновых не водились. Валерия Петровна

не пела колыбельных песенок, не играла с мальчиком, а потом и с внуками. Дома ее никогда не называли «мама». И дети, а потом и внуки обращались к ней просто Лера.

Сердце этой женщины целиком принадлежало творческой работе. Как-то раз мы сидели вместе на премьере спектакля. Главную роль играла любимая ученица Артамоновой. Когда упал занавес, Валерия Петровна повернула ко мне раскрасневшееся, абсолютно счастливое лицо и прошептала:

– Правда, чудесно? А ведь явилась в училище пень пнем, это я из нее звезду сделала! Могу научить этому искусству любого, даже полного идиота.

И это правда, профессионал она великолепный. Единственный человек, с которым Лера не слишком ладит, – невестка Лидочка. Только не подумайте, что они ругаются или, не дай бог, дерутся. Просто, когда Лидочка самозабвенно рассказывает за столом о том, как следует фаршировать утку, в глазах свекрови появляется такое выражение... Пит Банди смотрит так на дворовых псов: смесь легкого пренебрежения, высокомерия и снисходительности.

Вообще говоря, Андрюше прочили в свое время другую невесту – дочь актеров Верещагиных. Аня долго ходила в дом, и ей Андрюшка нравился, но что-то у них не сложилось, и в семье появилась Лидочка.

Из всего вышесказанного понятно, что я совершенно не удивилась, заметив, что у Артамоновых сегодня голову не потеряла только Валерия Петровна. На фоне абсолютно обезумевшей Лидуси и нервно вздрагивающего от каждого резкого звука Андрюшки она выглядела свежей и спокойной.

– Нет, Дашенька, нам не следует связываться с милицией. Да и что они могут? Только разозлим похитителей.

Андрюша согласно закивал головой, Лида заплакала.

– Ну-ну, не стоит так расстраиваться, – уверенно сказала Валерия, – все закончится хорошо, девочки вернутся.

Но у меня такой уверенности не было. Конечно, я не работаю в милиции, однако детективных романов прочитала горы. Сюжет о похищении детей встречается часто, но всегда следом звонят преступники и выкладывают требования. Здесь же – ничего, пустота, и такое странное молчание – не знаешь, что и думать.

– Но я ведь видела Надюшу, – попробовала использовать последний аргумент.

– Дашенька, – улыбнулась Лера, – у тебя же сильная близорукость, а очки ты не носишь из кокетства.

– Я прекрасно вижу.

– На расстоянии вытянутого пальца, – усмехнулась Артамонова. – И вообще, знаешь, это дело семейное, спасибо за заботу, но разберемся сами.

Да, давно меня никто так не щелкал по носу. Подхватив собак, я предложила Лиде выйти во двор, прогуляться.

На скамеечке, пока радостные псы носились кругами по детской площадке, я принялась тормошить подругу:

– Давай прямо сейчас поедem к Александру Михайловичу, напишеш заявление...

Лидуся потрясла неухоженной головой:

– Боюсь, вдруг хуже сделаю. Скажи, где ты видела Надюшу?

– Последний раз на станции «Аэропорт». Она просила пить, и ее вывезли из вагона.

Лида закусила губу и словно окаменела. Я молча сидела рядом. Ну как ей помочь? Как найти девочек? Ну не верю в то, что две бойкие авантюристки могут испариться без следа. Кто-нибудь обязательно их заметил. Только кто?

– Что с няней?

– Зину уволили сразу.

Вот уж глупость, а вдруг она связана с похитителями? Так просто взяли и выгнали, не расспросив как следует?

Я отвела Лидушу домой, взяла у нее адрес няньки и поехала на улицу с симпатичным названием Четвертый Эльдорадовский переулок.

Восемь абсолютно одинаковых кирпичных домов стояли фасадом во двор. Зинина квартира – на третьем этаже. На каждой лестничной площадке тухли мусорные ведра, и запах витал соответственный. Зина открыла дверь сразу, отбросила белой распаренной рукой волосы со лба и недовольно осведомилась:

– Чего вам?

Потом пригляделась и уже другим тоном добавила:

– Дарья Ивановна? Не узнала.

Я прошла в страшно тесную, неудобную прихожую, заваленную кучами грязной обуви.

– Вас ведь Артамоновы рассчитали?

– Выгнали как собаку, – подтвердила Зина, явно не собираясь впускать меня в комнаты, – за последний месяц не заплатили и все обвиняли, что недоглядела за детьми. Всего на минуту и оставила...

Она принялась энергично шмыгать носом.

– Мои знакомые подыскивают няньку, – решила я каким-то образом разговорить бабу.

Зина оживилась:

– Ну? Пойдемте на кухню.

Войдя в маленькое, пятиметровое помещение, я чуть не задохнулась от запаха жирного бульона, повсюду кипевшего на плите. На веревках под потолком сохло белье. Окно и даже форточка закрыты. Зина подошла к плите и решила угостить меня чаем. В дешевую фаянсовую кружку она насыпала заварки и, залив доверху кипятком, плюхнула передо мной емкость. Я поглядела на плавающие щепки и спросила:

– Зачем же оставили Полю с Надюшей одних?

– Так Валерия Петровна позвала. Приспичило ей банку с джемом открыть, а сноровки-то нет, вот и велела наверх подняться.

Оказывается, Лера сначала приказала няньке открутить крышку, а потом собралась отправить ее в магазин. В доме кончился салат, а Валерия Петровна ужинает только зеленой травой. Пока хозяйка давала деньги да поучала, какой вид салата вкусней, прошло минут десять. И когда Зинаида спустилась вниз, дети исчезли.

– Надя даже Барби уродскую бросила, – говорила женщина, – ну ту, которую вы ей на день рождения подарили.

Именины у нас с Надюшей одного числа – седьмого июня. На этот раз мы преподнесли ей совершенно невероятную вещь. Специально купили в Париже говорящую Барби. Длинноногая куколка умеет произносить несколько десятков фраз, правда, только на французском. Но Надя все равно пришла в полный восторг и не расставалась с игрушкой. И вот теперь выясняется, что обожаемая Мими осталась у подъезда.

Зина обегала двор, выскочила на улицу, потом понеслась домой. Валерия Петровна, услышав новость, схватилась за сердце и потребовала вызвать «Скорую».

– Что за дети играли во дворе, помните?

– Ларочка Костина из 72-й квартиры, Витя Гольянов и Марианна, фамилию не знаю!

Я поехала назад, на улицу Усиевича. Ларочка Костина оказалась прехорошенькой первоклашкой с озорным личиком. С Надей и Полиной она не дружила, в понедельник, придя из школы, играла в классики с Марианной Ежовой. И ничего подозрительного не заметила.

Девочка Ежова тосковала над сочинением «Meine Wohnung». Я преподаю французский, но немецкий немного знаю, и скудного запаса слов как раз хватило, чтобы описать квартиру. Повеселевшая Марианна радостно сказала:

– Мне вас сам бог послал, а зачем пришли?

Интересно, о чем думают родители, оставляя такого беспечного и бесхитростного ребенка одного. Впустила незнакомую тетку, подсунула той свои уроки и только потом интересуется целью визита!

– Я работаю на телевидении, в детской редакции. Мы делаем передачу о ребятах вашего двора.

– Ой, как здорово! – захлопала в ладоши девочка. – А про меня расскажете?

– Обязательно, а с кем ты дружишь?

– Значит так: Лара Костина, Вика Глаголева, Ксюша Павлова... – начала загибать пальцы Марианна.

– А Полина и Надя Артамоновы?

– Нет, – покачала головой девочка, – они «новые русские», всегда с няней гуляют, а нянька вечно кричит: «Надя, уйди от девочек, у них руки грязные!», «Поля, не давай им игрушки, испачкают!». Мы с ними не играем.

– Ну не всегда же они с Зинаидой!

– Всегда, – твердо ответила собеседница, – совершенно несамостоятельные.

– А вот в понедельник их одних оставили, что же вы сестер поиграть не позвали?

– Да ну их, – ответила Марианна. – Надя не хотела. Села с Полей на лавочку, сидит и молчит. Потом их девушка какая-то позвала, окликнула.

– Какая девушка?

– Красивая такая, черноволосая, в зеленом пальто. Вы «Иванушек» слушаете?

Я покачала головой. Марианна расстроилась.

– У Аполлона Григорьева такой пиджак есть, зеленый, блестящий, жутко клевый, я у мамы просила, а она не купила, дорого слишком...

– Погоди-ка, – прервала я вдохновенное описание прикида, – и что же девушка сделала с Надей?

– Ничего, поговорила, потом Надька взяла Полю, и они ушли.

– Куда?

– Не знаю, Витьке Гольянову чего-то сказали и побежали...

Я отправилась на розыски Гольянова. Обнаружила во дворе, где он самозабвенно пинал дырявой кроссовкой пустую банку из-под кока-колы. Витька оказался золотым свидетелем.

Во-первых, великолепно запомнил незнакомую девушку.

– На Орнестину похожа, – заявил он уверенно. – Только не блондинка, а черноволосая.

Я растерялась.

– На кого?

– Орнестина, девушка августа месяца из журнала «Петр», ресницы такие огромные и ноги красивые.

Я посмотрела на двенадцатилетнего читателя журнала «Петр» и вздохнула.

– Даже родинка у ней такая же, – добавил Витька.

– Родинка?

– Ну да, у Орнестины над губой родинка, вы купите журнал и увидите.

Ценная мысль.

– А что сказала Надя, не помнишь?

– Мне-то ничего, – буркнул мальчишка, наступая на хрустнувшую консервную банку, – а женщине той, в зеленом плаще, говорила: «Нам не разрешают со двора выходить, няня ругаться станет...»

Он замолчал и сосредоточенно начал чесать макушку.

– Дальше, – попросила я.

– А что дальше, да ничего. Та тетка красивая ответила: «Со мной можно, давай мороженое купим, мамино любимое есть, плодово-ягодное».

– Ну? – в нетерпении подтолкнула его я.

– А что ну? – так же лениво отозвался Витька. – Они все пошли к ларьку, вон туда, – он указал рукой в сторону ворот, – а я домой побег.

Отпустив мальчика, я вышла со двора на улицу и огляделась. Примерно метрах в ста от Лидочкиного дома выстроились несколько ларьков и палаток. Тут торгуют всякой всячиной – сигаретами, хлебом, овощами, пончиками, есть и ларек с надписью «Айс-Фили».

Плодово-ягодное мороженое! Когда-то оно стоило семь копеек и казалось невероятно вкусным. Лидуся трепетно любила розоватую массу, разложенную в простые картонные стаканчики. Не жаловала ничего другого, ни «Баскин-Роббинс», ни сливочное, только простое фруктовое. Оно стало редкостью, и Лидушка, стоило ей увидеть любимое лакомство, закупала порций сразу штук тридцать. Если черноволосая девушка говорила про плодово-ягодное мороженое, значит, она бывала в доме Артамоновых.

Я дошла до киоска и выяснила, что фруктовое лакомство не поступало в продажу с июля. У газетчика купила августовский «Петр» и уставилась на Орнестину. Да, редкая красавица. Пухлые губы и пикантная родинка в левом углу рта. Огромные порочные глаза, волосы цвета топленого молока, зато брови и ресницы просто смоляные. Под фотографией в рамочке написаны параметры: 92–57–92. Наверное, потрясающая фигура. Во всяком случае, на тех кадрах, где модель снята почти обнаженной, вид впечатляющий. Великолепной формы грудь, стройные ноги...

– Хороша, канашка, – причмокнул губами лысоватый газетчик.

– Да уж, – согласилась я.

– Только для жизни такая ни к чему, – начал философствовать мужик, – шей не сварит, рубах не постирает...

– Подобная красота редкость, – вздохнула я.

– Видел на днях точь-в-точь похожую, – сообщил мужик, – еще подумал: ну как две капли Орнестина, только волосы черные. Еще девчонке ее плохо стало.

– Какой девчонке?

Газетчик, маявшийся от скуки, словоохотливо начал рассказывать.

Он всегда стоит на одном месте. Девушку заметил сразу – впрочем, не обратить внимания на такую красотку невозможно. С ней были две девочки. Женщина подошла к киоску «Айс-Фили», потом повернулась к старшей девочке, достала из сумки платок и стала вытирать той нос. Через секунду эта девочка упала, а вторая стала плакать. Тут же подскочили два парня, подхватили детей и посадили в машину. Девушка влезла следом – и все.

Мороженщица, толстая, ярко накрашенная бабка, тоже хорошо запомнила странный случай.

– Подошла такая красивенькая и говорит: «Нам плодово-ягодного, побольше». Говорю, нет его, возьмите «Клубничку», а она к дочери повернулась и руками всплеснула: «Где ты, детка, так личико вымазала?!» И давай платком тереть. Вдруг девчонка – хоп, и упала, а младшенькая заревела.

Женщина объяснила мороженщице, что у старшей дочери эпилепсия, а сестричка страшно пугается каждый раз.

– Еще подумала, – сочувствовала баба, – такая красивая, обеспеченная, а на тебе – горе-то какое! И выглядела девчонка здоровой, что за болезнь такая, просто кулем свалилась. Хорошо, рядом отец на машине был...

– Что за автомобиль у них, не помните?

– Импортный, – уверенно ответила продавщица, – черный, блестящий, с капотом и багажником.

Ага, и на четырех колесах, надо полагать. Чудные приметы, моментально найдешь такую машину.

Я обошла всех торговцев на небольшой площадке. Но никто больше не запомнил красавицу с больной девочкой. К тому же большинство торговцев – украинцы, работают вахтовым методом – неделю здесь, неделю в другом районе.

Почувствовав внезапный голод, купила шаурму и присела на лавочку. Тут же подбежала бездомная рыжая собачка и стала преданно заглядывать в лицо. Я отдала ей сомнительного вида питу с мясом... Похоже, все концы оборваны. И все же, не поискать ли эту Орнестину? Вдруг это она увезла Надю и Полю? И газетчик, и Витя Гольянов заметили, что женщины просто на одно лицо. Тот ли это след, нет, но лучше такой, чем никакого.

ГЛАВА 4

Дома зрел скандал. Заплаканная Зайка сунула мне под нос кастрюльку с непонятным черно-белым содержимым.

– Попробуй!

Я осторожно подцепила ложкой неаппетитную массу и пожевала. На вкус напоминает размокшую туалетную бумагу.

– Что это?

– Рыбное фрикасе.

– А почему кусочки такие черные?

Зайка с грохотом поставила кастрюльку на плиту. Фрикасе взметнулось вверх и частично шлепнулось на пол.

– Ну вот! И ты туда же! Подгорело чуть-чуть, можно и не заметить.

Я оглядела кухню. Повсюду грязная посуда, какие-то кулечки с продуктами и кулинарные книги. Все понятно. Ольга решила приготовить ужин. Но если я первую половину жизни провела в бедности и все-таки могла сварить бульон, сварганить яичницу и манную кашу, то Зайка пришла в наш дом восемнадцатилетней, прямо от папы с мамой.

А Ольгина мама Марина готовит так, что даже привередливый Аркашка облизывает тарелку с радостным повизгиванием. Так что дома Ольгу к плите не подпускали, а у нас в то время готовила Наташа. Надо отдать ей должное, все у нее получалось отлично, правда, иногда казалось необычным. Например, подруга добавляла в яичницу варенье. Мы сначала ужаснулись, но потом убедились, что блюдо страшно вкусное.

Затем появились кухарки... И вот сегодня Ольга решила взяться за дело сама.

Я вздохнула, вывалила черно-белую массу на суповую тарелку и, чтобы не ощущать отвратительный вкус, стала быстро уничтожать содержимое.

– М-м, – причмокивала я, испытывая здоровое отвращение, – выглядит ужасно, а на вкус не так уж плохо. В следующий раз посыпь зеленью и выложи красиво в салатницу. Сюда картошка на гарнир подойдет.

Зайкино лицо разгладилось, и она с подозрением спросила:

– В самом деле вкусно?

– Восхитительно! – ответила я.

– А эти не стали, – кивнула невестка в сторону столовой, – пиццу разогрели.

– Ты же знаешь, какой Аркашка привередливый...

Аркадий ест, как кузнечик. Для меня загадка, как с таким аппетитом он вымахал до метра девяноста пяти и носит 52-й размер. Ему невкусно все – икра, севрюга, фрукты... При виде любого салата сына скосорыливает набок, а сливочное масло вызывает у него истерику. Любимая еда – пицца. Причем если ее пекут не дома. Домашней выпечкой Аркашка всегда недоволен – слишком пышное тесто, слишком много ветчины, слишком острый сыр... Ему нравится только готовое изделие неведомых кулинаров – на картонной подметке с одной маслинкой. Подобный деликатес может есть тоннами. Еще обожает шпроты и крутые яйца.

Я взглянула на довольное лицо невестки и подумала: только бы меня не стошнило прямо сейчас!

Но в этот момент в окружении собак ворвалась Маня.

– Муся, – заинтересовалась она, – что ты ешь такое вкусненькое?

В отличие от брата у Манюни аппетит молодого волчонка. Любая еда вызывает у нее здоровое желание тут же съесть увиденное. Поэтому Машка обладает роскошными волосами, белыми зубами и абсолютно резиновой неущипаемой попкой...

Девочка заглянула в кастрюлю и сморщила нос, но я наступила ей на ногу и железным, «преподавательским», голосом произнесла:

– Зайка приготовила **ОЧЕНЬ** вкусную рыбу, не понимаю, почему вам не понравилось!

Ольга вздохнула и, удовлетворенно сказав: «Пойду принесу грязную посуду», вышла.

Я моментально поставила недоеденное на пол и позвала собак. Но ни всеядный пит, ни прожорливый ротвейлер не пожелали откусать рыбки. Быстренько ополоснув тарелку, я сунула ее в посудомойку и принялась заваривать кофе. Надеюсь, он отобьет мерзкий вкус во рту.

В моей жизни было четыре свекрови. К несчастью, ни разу не попался муж-сирота. Досталось мне от них по полной программе. Причем все высказываемые замечания абсолютно справедливы. Готовить не умею, убираю квартиру плохо, глажу только то, что бросается в глаза, трепета перед родственниками не испытываю и считаю, что муж, если он, конечно, не безрукий инвалид, вполне способен сам поставить чайник на плиту. Но дорогие мамы придержались иного мнения.

Поэтому когда Аркашке исполнилось восемнадцать лет, я строго сказала сама себе: если Кешка женится даже на одноглазой негритянке в розовую клеточку, ты станешь рассказывать всем, какая невестка красавица.

Но у нас появилась Зайка – хорошенькая блондинка с испуганными карими глазами. Через год мы стали лучшими подругами. Честно говоря, мне глубоко наплевать на то, что Ольга не умеет готовить, шить и вязать, зато она верный, надежный человек. Много было в нашей жизни испытаний, и все их она выдержала с честью. Неужели, чтобы ее не огорчать, мне трудно съесть несколько кусков подгоревшей рыбы?

Глядя на мои страдания за тарелкой, Маня хихикнула:

– Зайка приготовила отраву!

Чтобы не обсуждать эту тему, я пошла в спальню. Следовало обдумать, как действовать дальше. Пока в руках только две тоненькие ниточки – похожая на Орнестину девушка и нянька Зина. И надо как можно подробнее узнать о той и другой.

На следующее утро я позвонила в журнал «Петр» и договорилась о встрече с главным редактором. Представилась владелицей агентства «Моделук» из Парижа, и теперь необходимо принять соответствующий вид. Для начала надела короткое черное платье с темно-желтым пиджаком. Волосы зализала щеткой и покрыла лицо светлой пудрой. Никаких румян, губной помады и туши. Все известные мне дамы из мира моды, кроме манекенщиц, конечно, практически не пользуются ярким макияжем. Только спокойные светло-коричневые тона. И драгоценности надевать в полдень абсолютно дурной тон. А вот деревянные браслеты, оригинальные треугольные бусы из эвкалипта – то, что надо.

Редакция газеты «Петр» поражала великолепием.

На абсолютно черных стенах развешаны роскошные фото красивых полуобнаженных девушек. Секретарша смотрелась как оживший снимок. Ноги от ушей, тщательно нарисованное лицо и уложенные опытной рукой пергидрольные кудри. Во всем мире сейчас на подиумах царят рыжие и каштановые волосы, но русский человек традиционно предпочитает блондинок.

Главный редактор встретил «французенку» с недоверием.

– Вам, наверное, легче говорить на родном языке, – хитро улыбнулся он и обратился к сидевшему у окна мальчику: – Костя, начинай.

Голубоглазый Костя довольно складно принялся изъясняться на «московском французском». Скорее всего учился на курсах при МИДе, запас слов вполне приличный, произношение отвратительное, и нет этой летящей вверх в конце каждой фразы интонации. Ладно, если им хочется услышать правильную речь, пожалуйста. И, открыв рот, я, как все истинные парижанки, затарахтела с пулеметной скоростью на языке Дюма и Бальзака.

Даже во Франции никто не принимал меня за русскую. Иногда в конце разговора вежливо осведомлялись: «Вы из Германии?»

Получила я блестящее знание иностранного языка нетрадиционным образом. Детство прошло в огромной коммунальной квартире на улице Кирова. По гулким коридорам необъятных апартаментов дети катались на велосипедах. Жило тут, ни больше, ни меньше, десять семей, в шести подрастали маленькие дети. А у самой кухни в каморке, служившей когда-то чуланом, тихо обитала самая настоящая француженка с поэтическим именем Сюзанна. В конце тридцатых годов ее муж, убежденный коммунист, приехал из Лиона в Москву, чтобы вместе с советским народом строить светлое будущее сначала в одной, отдельно взятой стране, а уж потом во всем мире. Но благие порывы наказуемы. В сороковом году Пьера арестовали как шпиона. Сюзанну почему-то не тронули. В 1959 году коммуниста реабилитировали, но напуганная Сюзанна так и жила в каморке, высываясь только в случае крайней необходимости. Наши родители, жалея неизвестно чем питавшуюся женщину, по очереди подсовывали ей еду. Сюзанна улыбалась и шептала: «Мерси, мерси». Говорить как следует по-русски бедняга так и не выучилась.

Шел 1961 год, никто и не заикался о трехлетнем отпуске по уходу за ребенком. Государство давало только три месяца, а дальше приходилось решать – то ли выходить на работу, то ли сдавать ребенка в ясли. Счастье тем, у кого дома была бабушка, но в нашей квартире подобрались почти сплошь матери-одиночки. Дети, отданные в государственные учреждения, стойко болели с сентября по июль. По утрам квартира оглашалась недовольным ревом...

И вот однажды кому-то из мам пришла в голову гениальная мысль – пристроить к делу Сюзи. Женщина согласилась, и наша жизнь стала просто прекрасной. Нянька кормила детей по часам, подолгу гуляла с ними на бульваре и пела незнакомые песни. Одна беда – говорила она только на своем языке, и через год шесть ребят из московской коммуналки пугали всех криками: «Allez, Allez!»

Мы заговорили по-французски одновременно, причем не только с Сюзи, но и друг с другом. Видя такой поворот событий, мать отдала меня в специальную школу, но я уже владела языком лучше, чем тамошние учительницы.

Главный редактор молча слушал мою отличную речь. Наконец я притормозила и напрямую спросила у переводчика:

– Теперь вы убедились, что я из Парижа?

Костя покраснел. Как признаться перед лицом высокого начальства, что уловил лишь пару слов из напористой речи противной иностранки? Однако парень сумел выкрутиться:

– Ваш вопрос несколько щекотлив, думаю, вам лучше объясниться по вашему делу с Анатолием Ивановичем.

– Ступай, – проворчал редактор и вопросительно уставился на меня.

– Не понимаю, что тут такого щекотливого? – прикинулась я дурочкой. – Хотим познакомиться с Орнестиной. Если девушка подойдет, предложим контракт.

Анатолий Иванович совсем растаял.

– Хорошо, сейчас позовем девчонку. Но придется подождать, пока она приедет.

Я замахала руками.

– Нет, мы предпочитаем встречаться с кандидатками в домашних условиях. Хочется посмотреть, как она живет, узнать, так сказать, привычки... Вы понимаете?

Редактор кивнул. Конечно, понимает! Среди «вешалок» и фотомоделей невероятно высокий процент алкоголичек и наркоманок. Ни одно приличное агентство не предложит работы даже самой прекрасной по внешности девушке, не разведав как следует о ее личной жизни. Дешевле раскрутить дурнушку, чем возиться с порочной красавицей.

Анатолий Иванович полез в гигантский шкаф, набитый папками, вытащил одну, бросил на стол и произнес:

– Пока поглядите вот это, если подойдет, договоримся.

Я полистала странички с довольно скудной информацией. Анна Андреевна Подушкина, 18 лет. Родом из Москвы, не пьет, не балуется таблетками, не курит. Работает фотомodelью. Муж и дети отсутствуют. Остальное место в личном деле занимали фотографии в самой разнообразной одежде и почти без нее. Особняком стояло – натуральная блондинка, зубы в хорошем состоянии, характер приветливый, не капризна, работоспособна, не опаздывает.

– На первый взгляд неплохо, – пробормотала я, изображая искусственную профессионалку, – но все же вопрос можно решить только после личной встречи.

– Выкладываете триста долларов и получаете адрес, – спокойно заявил редактор.

Я вытащила из кошелька пластиковую карточку банка «Лионский кредит» и осведомилась:

– В какой форме принимается оплата?

– Наличными, – алчно ответил Анатолий Иванович, поглядывая на кредитку.

В машине я разглядела бумажки, полученные взамен валюты. Северное Бутово! Где же расположен район?

Минут через десять все проблемы разрешились, Бутово нашлось в атласе, а в доме на улице Академика Назарова поджидала, предупрежденная по телефону, Орнестина.

Очевидно, девчонка решила встретить владелицу агентства во всеоружии, потому что дверь открыла ожившая картинка из журнала.

– Проходите, – радушно пригласила она меня в довольно просторную комнату, обставленную с претензией на артистический шик. Низкая софа, покрытая белым искусственным мехом, пара кресел. На полу на ковре разбросаны подушки, очевидно, заменяющие пуфики. В углу на крутящейся подставке телевизор и видик со стопкой кассет, особняком стоит компьютер. Полное отсутствие книг, а на стене большая фотография Орнестины. Сразу件нятно, что девушка запечатлена на мосту Александра III.

Модель сложила длинные ножки и грациозно опустилась на подушку. Я плюхнулась в кресло, ощущая себя возле этого небесного создания слоном в игрушечном домике.

– Бывали когда-нибудь в Париже? – поинтересовалась я, разглядывая снимок.

– Папа нас с сестрой возил, – сообщила девушка.

Через полчаса узнала о ней все. Родилась в обеспеченной семье. Папа – профессор математики, мама преподает русский язык и литературу в институте. В модельный бизнес попала случайно, потому что учится на втором курсе филфака. Приятельница пошла на съемку, а Аня увязалась с ней. Фотограф тут же предложил контракт, и сейчас девчонка хорошо зарабатывает. После того как «Петр» сделал ее девушкой месяца под псевдонимом Орнестина, предложения посыпались как из рога изобилия. Приходится даже отказываться от некоторых, потому что Аня решила иметь диплом. Век всякой фотомodelи заканчивается в тридцать лет, а зависеть от щедрости будущего мужа не хочется.

Слушая ее верные, практические размышления, я постепенно приходила к выводу, что эта не по годам разумная девица скорей всего не имеет ничего общего с похищением детей.

– У вас есть сестра?

– Да, – закивала Аня, – Верочка на два года старше, учится актерскому мастерству.

И тут кто-то открыл дверь и крикнул:

– Анька, встала уже или дрыхнешь?

Моя собеседница не успела ответить, как в комнату влетела еще одна девушка. На первый взгляд сестры казались похожими, как яйца. Но стоило присмотреться повнимательнее, и сразу бросалось в глаза, что одна – произведение искусства, другая – просто копия не слишком талантливого художника. Лицо Веры чуть-чуть отличалось от Аниного. Но это самое «чуть» и делало младшую элегантной красавицей, а другую просто хорошенькой мордашкой. Кажется, Вера это понимала, потому что пыталась при помощи косметики исправить ошибки природы.

Яркая помада слегка увеличивала тонкие губы, карандашная подводка расширяла разрез глаз, бровям явно придали нужную форму, а широковатый кончик носа умело скорректировали более темной пудрой, добившись почти полного сходства с младшей сестрой. Оригинальным в облике Веры казалась только одна деталь – иссиня-черные волосы. Даже крупная родинка в углу рта у нее – тоже в точь как у сестры.

– Вы так похожи, – протянула я. – Если бы не красили волосы в разный цвет...

Девушки дружно рассмеялись.

– Мы не красим волосы.

– Но...

– Шутка природы, – пояснила старшая, – я родилась брюнеткой, а Анька блондинкой. В остальном как две капли воды.

«Это тебе только хочется», – подумала я, отмечая, что у Веры довольно неприятная улыбка. Но, судя по всему, мне нужна именно старшая девица...

– Вам предстоит великолепная карьера, – обратилась я к Ане.

В глазах Веры мелькнула неприкрытая зависть.

– Но, видите ли... к блондинкам сейчас снизился интерес, как у публики, так и у модельеров. Сейчас в моде темноволосые. Конечно, вам можно перекраситься, но, может быть... есть смысл поработать с вашей сестрой?

– Ой, вот здорово! – обрадовалась Аня. – Когда меня взяли на работу, Верочка тоже хотела попробовать, но ей сказали, что две одинаковые модели на подиуме не нужны, предложили сменить макияж и образ, но что-то не получилось.

Еще бы, без грима старшенькая небось сливается с толпой.

– Вы тут поговорите, а я сбегаю в магазин, дома хоть шаром покати, – изобразила хозяйственное рвение Аня.

Девушка явно хотела оставить нас наедине, боясь спугнуть призрак удачи, внезапно замаячивший перед сестрой.

Когда за Аней захлопнулась дверь, я принялась о том о сем расспрашивать Веру. И чем дольше длился разговор, тем больше понимала, что следует быть очень и очень осторожной.

Во-первых, Вера прекрасно знала Валерию Петровну, училась в ее семинаре, во-вторых, бывала у Артамоновых дома.

– Валерия Петровна просто чудо, – откровенничала студентка, – гениальный преподаватель. Попасть к ней в руки – мечта любого, даже коза сумеет у нее звездой стать. Но она берет только тех, кто беспрекословно ее слушается.

Слушая, как Верочка поет нашей общей знакомой осанну, я решила подбираться к цели издалека.

– Фамилию Артамоновых я, кажется, уже слышала, я ведь русская по происхождению, в Москве бываю часто, хожу в театры... вспоминается мне такой актер... Андрей Артамонов, я не ошибаюсь?

– Сын, – пояснила Вера, – ушел сначала в режиссуру, а потом стал продюсером.

– Актриса Ирина Артамонова его жена?

– Не знаю такую, – сказала Вера.

Еще бы, я ее только что придумала!

– Супругу Андрея зовут Лидия, – уточнила девушка.

– Тоже в театре выступает?

– Гримерша, – пренебрежительно заметила собеседница.

– И дети у них есть?

– Две дочки, – охотно сообщила Подушкина, совершенно не удивляясь моему странному любопытству.

– Небось тоже у Валерии Петровны учатся?

– Они совсем маленькие, Полина даже в школу не ходит, – улыбнулась Вера, – рано ей о сцене думать.

– Вы часто бываете у Артамоновых?

– Достаточно, – ловко ушла от ответа девушка.

– Наверное, играете с детьми?

Вера вздернула брови.

– У них няня, а я прихожу заниматься с Валерией Петровной.

Боясь, что вопросы на эту тему могут насторожить девушку, я стала рассуждать о модельном бизнесе.

ГЛАВА 5

Пообещав Вере успешную карьеру на подиумах Парижа, ринулась к Артамоновым. Только доставленный сегодня утром из ремонта «Вольво» отчего-то плохо заводился, астматически кашляя и фыркая.

Я ворвалась в квартиру, споткнулась о собак и чуть не упала на Валерию Петровну.

– Дашенька, ты слишком уж стремительная, – весьма неодобрительно заметила та.

Но мне сейчас не до китайских церемоний.

– Нашла девушку, которая увела Полю и Наденьку со двора!

Лера села на диван, лицо ее заметно напряглось.

– Не может быть!

– Очень даже может, – ликовала я, – причем вы великолепно ее знаете!

– Да? – нервно вздрогнула Валерия.

– Вера Подушкина, ваша студентка!

– Вера, Вера... – принялась повторять дама, как бы припоминая, потом вскрикнула: – Верочка! Невероятно, как ты узнала?

– Порасспрашивала кое-кого, – гордо ответила я, – ее видели дети, газетчик на площади, мороженщица.

Валерия Петровна забегала по холлу.

– Вера! Бог мой, но зачем ей девочки? Не поверишь, я очень плохо знаю эту Подушкину. Меня просил ее взять Леопольд Грибов, приятель Андрея и Лиды. Я пригляделась – вроде работоспособная, не без таланта, ну и пригрела! Змею на груди! Ведь в дом ходила. Мне иногда удобнее заниматься здесь, а не в институте! Что же теперь делать?

– Обязательно сообщить в милицию, – твердо сказала я, – пусть допросят девчонку, живо всю правду расскажет. Не такие раскалывались.

– Да, – пробормотала Лера как-то подавленно, – несомненно, признается. – Потом она тяжело задышала, рухнула в кресло и слабым голосом попросила: – Принеси из холодильника нитроглицерин.

Ее руки дрожали так сильно, что пальцы никак не могли подцепить плоскую крышечку. Я отобрала у Леры круглый пластмассовый пенальчик и вытряхнула две белые крупинки.

– Спасибо, – прошептала Артамонова.

Мы посидели минуту-другую в молчании. Потом Валерия Петровна шумно вздохнула:

– Кажется, отпустило.

– Давайте прямо сейчас звонить в милицию!

– Дашенька, пойми меня правильно, дело непростое, речь идет о судьбе детей, я не могу одна принимать столь важное решение, – засопровтивлялась эта актриса, – лучше подождать родителей.

– Где они? – спросила я, удивляясь отсутствию Лидочки.

– Андрюша на репетиции, – пояснила Лера, – а Лида просто неразумное существо! Ведь просила ее не делать глупостей. Так нет, ни в какую, поеду, и все тут!

– Куда?

– Вбила себе в голову, что сама найдет Надюшу, и отправилась на станцию «Аэропорт» – страшно глупо!

К тому же и опасно. Оставив Леру поджидать сына, я поехала на Ленинградский проспект.

Было около шести вечера, и на платформе метро толпились пассажиры. Я пошла по перрону, напряженно вглядываясь в людей. Люди толкались, бесцеремонно прокладывая себе дорогу... Ну просто удивительно, в парижской подземке подобного не увидишь – человеческая

масса вас плавно обтекает. Чувствуя, что начинаю заражаться всеобщей суетой, я присела на скамейку, и тут под сводами взметнулся дикий, нечеловеческий вопль. И женский крик:

– Упала, помогите, остановите поезд!

Вой нарастал. В противоположном от меня конце платформы творилось что-то невероятное. Визжали женщины, бежали со всех ног милиционеры и дежурные. Выезжавший из туннеля поезд остановился посередине станции и стоял, не открывая дверей. За освещенными стеклами виднелись встревоженные лица пассажиров.

– Что случилось? – спросила я у пробежавшего мимо мужчины.

– Баба под поезд прыгнула, дура, – ответил тот, почти не останавливаясь, – нашла тоже место! Люди домой спешат, а теперь движение остановят, и неизвестно, когда поезда снова начнут ходить. Хочешь с собой покончить, так сигай из своего окна, нечего другим мешать!

Нехорошее предчувствие проникло в душу. На мягких, почти не слушающихся ногах я подобралась поближе к месту трагедии. Часть перрона оцепили милиционеры, я пробилась сквозь зевак поближе к красно-белой ленте.

– Нельзя, гражданочка, – остановила дежурная.

Я во все глаза глядела туда, где лежало нечто, закрытое одеялом. Рядом валялись туфли... красивые темно-синие кожаные лодочки, привезенные Андрюшкой из Испании.

«Нет, только не это!» – пронеслось в моей голове.

Я отпихнула дежурную.

– Ну нельзя же, куда прешь? – грубо одернула меня та.

Но я уже подлезла под ленту и уставилась на несчастную. В абсолютно серой женщине, распростертой на полу, трудно узнать Лидочку, но сомнений нет – передо мной лежала она.

– Лидуша! – выкрикнула я, кидаясь на колени. – Лидуля, зачем?

– Знаете ее? – спросил один из милиционеров.

Не в силах отвечать, я только кивнула. И тут появились врачи. Один из них принялся ловко приделывать капельницу.

– Она жива? – ухватила я за надежду.

– Пока да, – сухо ответил доктор, профессионально втыкая в безжизненное тело иглки.

Потом странно провисающую Лидочку положили на носилки, я зачем-то подобрала туфли и побежала за санитарями. Но в реанимобиль меня не пустили. Белый автобусик оглушительно взвыл сиреной и унесся, я осталась стоять на проспекте, прижимая к груди туфли.

Домой добралась только к десяти, абсолютно сама не своя. Не отвечая на вопросы детей, еле-еле доползла до кровати и рухнула лицом в подушку.

Утром меня никто не трогал, но проснулась почему-то около восьми. Аркаша с Машей застракали в столовой.

– Что случилось? – спросил сын. – Ты вчера пришла зеленая, просто страшно смотреть.

– Лида Артамонова бросилась под поезд метро.

– Боже, – ужаснулся Аркаша. – Почему?

– Не знаю, – пробормотала я и, отодвинув чашку с кофе, взяла телефон.

У Артамоновых трубку схватили сразу.

– Аллю! – прокричал Андрюшка. – Говорите...

– Как Лида?

В мембране слышались странные звуки.

– Что? – испугалась я.

– Пока жива, – ответил Андрей, судорожно кашляя, – но очень плохо, в сознание не приходит. Господи, зачем она это сделала?

Бросив трубку на стол, я повторила вопрос:

– А в самом деле, зачем?

Лидочка удивительно стойкое существо. В раннем детстве осталась без отца и матери – погибли в авиакатастрофе. У девочки не оказалось никаких родственников, только двоюродная бабушка где-то в Перми. Женщина не замедлила приехать в Москву и поселиться в просторной квартире сироты. Через год туда перебрались все многочисленные уральские домочадцы: бабкин сын с женой и двумя детьми, дочь с супругом... Лидусю отселили в небольшой чуланчик без окна, но скоро и эта жилплощадь показалась бабке слишком шикарной для мешавшей всем девчонки. Лиду отправили в загородный детдом санаторного типа, причем мотивировали гадкий поступок весьма благородно – якобы у ребенка развилась сильнейшая аллергия и свежий воздух ей просто необходим. Когда завершившая учебу в восьмом классе Лидуся вернулась в Москву, даже чулан в квартире ей давать не хотели. Девочка, увлекавшаяся рисованием и лепкой, поступила в ПТУ и стала учиться на гримера. По вечерам старалась как можно дольше задерживаться в училище, чтобы не возвращаться в неприветливый дом, где к ней все время придирались, выживая из дому.

Однажды учительница математики спросила, отчего Лидуля так засиделась. Девочка не выдержала и рассказала преподавательнице все. Майя Михайловна пришла в ужас и немедленно начала действовать.

В советское время довольно легко было начать кампанию в защиту обиженного ребенка. Майя Михайловна за один день обежала нужные инстанции, и к противной бабке разом заявились проверяющие: из районного отдела народного образования, домовой партийной организации, комсорг ПТУ... Замыкал группу разгневанных женщин местный участковый, грозно потребовавший предъявить паспорта. Родственников сгубила элементарная жадность. Переехавшие с Урала в Москву, они не захотели терять жилплощадь в Перми. В Лидочкиных хоромах оказалась прописана только зловредная бабка.

Разгорелся скандал. Старуху лишили права опекунства, а заодно и московской прописки. Бабуля умоляла внучку не выгонять ее, но Лидочка проявила удивившую даже ее самую твердость. Ни фальшивые слезы старухи, ни угрозы ее снохи, ни вопли сына не подействовали на сироту, и через два месяца она оказалась в хоромах одна.

Директриса ПТУ, тронутая судьбой ученицы, пристроила девушку гримером в популярный московский театр. Лидочка с восторгом окунулась в абсолютно незнакомый, волнующий мир кулис. Наконец-то Лидуля почувствовала свою необходимость. Скоро славную девушку, просто горевшую на работе, выделили, стали поручать работу с капризными примами и стареющими «благородными отцами». Было у нее замечательное, редкое в среде людей театра качество: Лидуля не распространяла сплетен. Все, что говорилось или происходило в гримерной, никогда не выносилось наружу. И в необъятном чемодане гримерши всегда имелись нужные мелочи – нитки, иголки, лекарства, пара колготок, вата и даже... бутылка коньяка. Через год актеры уже не понимали, как до сих пор жили без Лиды. «Наша Флоренс Найтингейл» – прозвал ее главный режиссер после того, как Лидуся ловко развела за кулисами в разные стороны его законную супружницу и любовницу, намеревавшихся вцепиться друг в друга и учинить скандал.

А потом в театр пришел Андрей Артамонов, и девушка, что называется, пропала. Сказать, что она влюбилась, значит ничего не сказать. Лида потеряла голову. Всем, кто готов был слушать, она восторженно рассказывала о красоте, уме и необыкновенной талантливости актера. За кулисами сначала посмеивались, правда, по-доброму – Лидочку любили. Потом стали сочувственно вздыхать. И наконец настал момент, когда актрисы решили действовать. Одна самая пожилая и маститая позвонила Валерии Петровне и спела хвалебную оду в честь Лидуши. Две другие, помоложе, зажали как-то Андрюшу в угол и грозно посоветовали разуть глаза.

– Ну заведи с ней роман, – требовали коллеги, – трахни в конце концов, совсем девка извелась!

Андрюшка только-только развелся со второй женой и ни о какой женитьбе не помышлял. Но страстное обожание девушки льстило, и он снизошел до гримерши. За полгода Лидочка сумела стать для него незаменимой. В конце концов Андрюшка предложил ей руку, но мне всегда казалось, что прилагающееся в таких случаях сердце он оставил при себе. В его женитьбе было пожалуй больше расчета, чем настоящего чувства. Стоило послушать, как молодожен рассказывал друзьям про жену:

– Она великолепная хозяйка, невероятная чистюля. У меня никогда не было таких белых рубашек...

Лидочка со страстью отдалась семейной жизни. Даже недовольно поджимавшая губы при виде ее Лера не отравила ей жизни. И свекрови пришлось все же прикусить раздвоенный язык. Невестка попалась просто бесценная: часами стояла у плиты, вылизывала комнаты и до полуночи стирала и наглаживала белье. Андрюшка жил как в оранжерее. Когда он в десять утра в тепленьком халатике возникал на кухне, там уже священнодействовала Лидушка. И угощала его не какими-нибудь подгоревшими тостами, а вкусными, горячими кушаньями. Пока он с аппетитом набирался перед спектаклем калорий, жена успевала сбегать на рынок за овощами и парной телятиной...

Лидочкино счастье омрачало только отсутствие детей. Честно говоря, ей было хорошо и вдвоем с Андреем. Но дом без ребенка – не семья. Две предыдущих жены не смогли или не захотели родить, Лидуля же решила завести потомство.

Несколько лет детей все-таки не было. Тогда под протестующие возгласы Леры Лида потащила Андрюшу в консультационный центр «Семья и брак». Неделию спустя объявила, что Андрюша абсолютно здоров, а у нее легкий, быстро устранимый дефект.

Лидуля легла на несколько дней в больницу, потом подлечилась в санатории и благополучно родила сначала Наденьку, а потом и Полину.

Лида боготворила долгожданных детей, превратилась просто в образцовую мать. Но я никак не могла забыть происшествие, случившееся с нами несколько лет назад. Мы ехали к Артамоновым на дачу. Андрюшка за рулем, Лида рядом, я с девочками на заднем сиденье. Внезапно машину занесло в глубокий кювет. По счастью, обошлось только царапинами и ушибами. Кое-как выкарабкались из повалившегося на бок «Мерседеса». Лидуся вылезла последней. Убедившись, что мы невредимы, она прежде всего кинулась к мужу. Не к крохотной Полине, не к Надюше, заходившейся в крике, а к Андрюшке. Лидка принялась ощупывать его, тормозить и расспрашивать. И только удостоверившись, что обожаемый супруг в полном порядке, обратила внимание на дочек. После этого случая мне сразу стало понятно, кто в ее сердце на первом месте.

Нет, не могла она броситься под поезд и оставить муженька. Вот если бы украли Андрюшку, то вполне вероятно, не захотела бы жить. И потом, прошло почти две недели, с чего бы именно сейчас прыгать с платформы?

Чем больше я думала, тем яснее понимала – самоубийство исключается, значит – несчастный случай. Ну, надеюсь теперь, когда Валерия Петровна знает про Веру, они обратились в милицию?

Андрюшка в ответ на мой звонок начал мямлить что-то невразумительное, потом закашлялся и наконец выдал из себя:

– Давай встретимся в городе, в Доме литераторов, часа в два, сможешь?

В пять минут третьего мы уже сидели в старинном, отделанном деревом зале. Артамонов выбрал самый удобный столик, в углу, у незажженного камина. Здесь нас не сразу увидят знакомые...

Он заказал судак-орли, и я отметила, что последние события не слишком повлияли на аппетит Андрюшки. Во всяком случае, куски запеченной в тесте рыбы исчезали в его желудке с завидной скоростью.

– Так вы сообщили в милицию? – приставала я к нему.

Артамонов покачал головой.

– Почему? – заорала я так, что сидевший за соседним столиком лысый писатель возмущенно оглянулся в нашу сторону.

– Тише, – прошипел Андрей, – не хватало только скандала! Меня тут все знают... Не сообщили, потому что детей скоро вернут, долго не продержат.

Я внимательно поглядела на его сытое, гладкое лицо. Продюсер выглядел, как всегда, превосходно. Дорогой костюм, ослепительная рубашка, подобранный в тон галстук... В отличие от многих деятелей сцены, предпочитавших любым нарядам джинсы и куртки, Артамонов одевался как денди. Даже сегодня, несмотря на исчезнувших дочерей и находящуюся при смерти жену, его волосы аккуратно уложены феном, а руки сияют свежесделанным маникюром. Потрясающее самообладание или невероятное равнодушие. Ей-богу, мне было бы приятней увидеть его растерянным, даже с невымытой шеей. И потом, откуда эта странная уверенность в скором возвращении детей!

– Так ты знаешь, где они, – прошептала я, – тебе известно, кто украл девочек?..

Андрюшка слегка изменился в лице и принялся мести хвостом.

– Даже не подозреваю, откуда у тебя такие глупые мысли?

Но по его искривившейся роже я поняла, что попала в точку.

– Вот что, – решительно произнесла я, отодвигая от себя нетронутую тарелку с цыпленком табака, – мне в отличие от тебя кусок в горло не лезет! Немедленно все выкладывай, или я прямо отсюда еду на Петровку. Лиду пожалей, женщина пыталась с собой покончить!

Артамонов залпом опрокинул фужер с коньяком.

– Да это не из-за детей!

– Тогда какая причина? – наступала я на него.

– Знаешь, мне никогда в голову не приходило развестись с Лидой...

Я кивнула. Какой дурак убьет курицу, несущую золотые яйца? От таких жен, как Лидия, не уходят.

– Но женаты-то мы уже десять лет, понимаешь?

– Ну!

– Не то чтобы Лида надоела, но...

Он еще помялся немного, потом выложил все.

Лидочка устраивала мужа со всех сторон. За время жизни с ней Андрюша ни разу не переступил порог продовольственного магазина. В любое время дня и ночи к нему могли завалиться друзья. Долгие командировки, возвращение с работы за полночь, частые походы с приятелями в баню – все это Лидочка принимала как должное и никогда не ревновала. Не жена, а золото. Только одно «но»: Лидуля со своей неумной заботой и патологической любовью надоела мужу просто до колик.

– Всю жизнь на вульгарных стерв тянуло, – каялся Артамонов, – ну вспомни моих предыдущих, Лизку и Ленку!

Да уж, пираньи, иначе не назовешь.

– А Лидуся просто Дева Мария, – усмехался Андрюшка, – абсолютно положительный экземпляр. Первое время еще ничего было, а потом – тоска. С ней даже поругаться невозможно, начнешь орать, а она: «Не волнуйся, милый, ты прав». Представляешь, какой кошмар! И упрекнуть не в чем, и жить невозможно, вот ведь какое дело. Ну жизнь какая-то пресная, вроде геркулесовой каши на воде без соли и сахара. Полезно, но противно.

Короче, Андрюшка начал бегать налево. «Путь на экран лежит через диван». Данная поговорка правдиво определяет дух кулис. Поэтому недостатка в молодых, готовых на все актрисульках богатый продюсер не испытывал. Легкие, необременительные отношения, просто гимнастика для повышения жизненного тонуса.

Угрызения совести не мучили. Семья не ущемлялась. Словно рачительный воробей, Андрюшка вил гнездышко: делал евроремонт, покупал жене шубу и драгоценности, отправлял своих девочек на три месяца к теплему морю.

Любовницы сменяли одна другую, а поскольку Андрея и в самом деле как магнитом тянуло к дамам редкой стервозности, то частенько возникали скандалы. Правда, мужику всегда довольно успешно удавалось погасить пламя. Одна получила главную роль, другая отправилась на фестиваль в Англию, третья утешилась, став обладательницей новенькой машины.

Театральный мир узок до безобразия. И хотя Артамонов старательно избегал романов в коллективе, где работал бок о бок с Лидочкой, слухи расползались, как тараканы. Позавчера какая-то сволочь позвонила женщине и в деталях описала, что за взаимоотношения связывают Андрея с молоденькой Эльвирой Балчуг. Разговор подслушала Валерия Петровна, взяв трубку параллельного аппарата. Свекровь ожидала, что невестка устроит скандал, кинется бить посуду, но Лидуша выслушала сообщение и коротко ответила: «Эльвира Балчуг? Что ж, ей повезло, Андрюша великолепный любовник».

И все. Ни мужу, ни затаившейся свекрови не сказала ни слова. Просто ушла и бросилась под поезд. Молча. Не оставив записки или письма.

Я потрясенно глядела на Андрея, переваривая информацию. Первые лучи понимания забрезжили в голове.

– Слушай, так ты думаешь, детей похитила какая-то из твоих бывших пассий, чтобы насолить Лиде?

– В общем, да, – признался мужик, – поэтому я и не хотел заявлять в милицию. Представляешь, начнется следствие, станут грязным бельем трясти... Наде с Полиной плохо не сделают, ну подержат на даче недельки две, потом вернут. Даже догадываюсь, кто это сделал!

– Кто? – подскочила я на стуле.

– Маринка Воропаева. Она Эльвире сказала, что устроит Лидке небо с овчинку. Вот и украла девчонок.

Я глядела на него во все глаза. Чудовищно. С абсолютно спокойным лицом говорит, что знает, где дочки, а несчастная Лида сходилась с ума, потеряв покой.

– Почему ты ничего не сказал жене?

– Да только недавно в голову пришло, – оправдывался Артамонов, – вот сегодня ночью и догадался.

Но по его блудливому взору я понимала: беззастенчиво врет.

– Вот что, – решительно сказала я, испытывая большое искушение надеть ему на уложенную голову миску с «Оливье», – говори адрес мадам Воропаевой, поеду разузнавать.

– Ладно, – обрадовался Андрюшка, вытаскивая записную книжку, – да скажи ей, получит роль Офелии, если спокойно отдаст девочек.

Это было уже слишком. Я встала, обошла столик, наклонилась к Андрюшке, пишущему на салфетке информацию, молча сунула листочек в карман и быстрым движением локтя отправила ему на колени чашку с кофе.

– Вау! – завопил продюсер, тряся мокрыми брюками. – Ты совсем сдурела?

– Извини, – мило улыбнулась я, глядя, как он размазывает салфеткой пятно. – Случайно вышло, очень жаль.

Я пошла к выходу. Если чего и жаль, так это того, что кофе пролился на толстые ляжки ловеласа, честно говоря, надеялась угодить горячей жидкостью на другое, более чувствительное место.

ГЛАВА 6

Жаждающая получить роль Офелии Марина Воропаева проживала в самом центре, на улице Алексея Толстого. Езды от Дома литераторов пара минут. И по дороге я едва успела вспомнить, что знаю о данной даме. К сожалению, сведения крайне скудные.

Недавно по телевизору показывали очередной дурацкий сериал. Неумелая отечественная подделка под латиноамериканские страсти: брошенные дети, покинутые супруги, неверные любовники... И море слез пополам с соплями. Одну из главных героинь играла Марина. Этакую белокурую крошку с огромными невинными глазами и пухлым ротиком. Подобное создание просто хочется прижать к груди и лелеять. Точеные слабые руки, бледная кожа, хрупкая шейка – меньше всего Воропаева походит на злобную мегеру.

Девушка, открывая дверь, выглядела точь-в-точь как героиня сериала.

– Что вам угодно? – прощепетала она, распахивая огромные наивные глаза.

– Газета «Театральная жизнь», – представилась я.

Воропаева – теперь уже цепким, совсем не наивным взглядом – посмотрела на «журналистку» и посторонилась. Я оказалась в роскошном холле. Вот это да! Все стены обиты белой кожей, по углам стоят васильковые бархатные кресла, на полу мех неизвестного животного, поражающий густотой ворса. Марина грациозно опустилась в одно из кресел и картинно сложила ноги.

– Слушаю внимательно.

– Мы получили много писем от читателей, желающих узнать побольше о любимой актрисе...

Лицо Воропаевой вспыхнуло от удовольствия. Минут десять она рассказывала биографию, делилась творческими планами.

Наконец я подошла к главному вопросу:

– А на личном фронте? Расскажите о супруге, о детях...

Марина развела руками:

– Увы, на личную жизнь нет времени. Да и какой муж станет терпеть жену, целыми днями пропадающую на театральных подмостках... Только если он сам актер. Но среди нашего брата актера практически невозможно встретить настоящего мужика, они либо педики, либо недоумки, да вы сами знаете.

Я согласно закивала головой и решила подобраться к проблеме с другой стороны.

– Статья пойдет со снимками. Давайте посмотрим, где лучше запечатлеть вас, чтобы я могла дать указание фотографу. Знаете, читатели любят разглядывать интерьеры. Сколько в квартире комнат?

– Три, – охотно сообщила Марина, – ну и конечно, кухня.

– Побываем везде, – сказала я, и мы пошли по широкому коридору в спальню.

Небольшую, метров пятнадцати комнату наполовину занимало огромное ложе. Одна стена представляла собой зеркальный шкаф, в углу телевизор.

– Прекрасно, – воодушевилась я. – Одно фото на кровати... Потом покажем, как вы выбираете костюм. Ну-ка, откройте шкаф.

Привыкшая подчиняться командам режиссера, Воропаева безропотно раздвинула створки. Внутри обнаружился склад платьев, брюк и юбок, аккуратно развешанных по плечикам.

Затем двинулись в гостиную. Два огромных окна закрывали тяжелые бархатные гардины темно-фиолетового цвета. Стены обтянуты сиреневым шелком, на полу желтый ковер. Кожаная мебель радовала глаз лимонным оттенком. Тут и там развешаны картины, изображавшие

женщин в разной степени раздетости. Две из них – копии полотен Моне, авторы остальных незнакомы. И никаких шкафов, где можно кого-либо спрятать.

Потом отправились на кухню. И опять совершенно новая мебель. Ярко-красные шкафы, холодильник и плита. Сразу заболела голова. Ну как она готовит еду в такой обстановке? Впрочем, небось питается готовыми блюдами, разогревает в микроволновке.

Я заставила Марину продемонстрировать и санузел. Ванна оказалась обычной, а не джакузи, зато унитаз поражал роскошью – розовый с золотом. Естественно, полы с подогревом, и везде, даже в туалете, горы косметики. Только шампуней насчитала семь штук. Одна из стен ванной комнаты сплошь увешана полочками. И они до отказа забиты кремами, масками, дезодорантами, пузырьками, флакончиками, тюбиками...

– Ну, когда придет фотограф? – поинтересовалась Воропаева, вводя меня снова в белый холл.

– Завтра, – пообещала я и спросила: – Помнится, вы говорили о трех комнатах или я ослышалась?

Марина замялась:

– Наверное, хватит того, что вы видели, в кабинете пока беспорядок.

– Все же покажите!

– Право не стоит, там старые газеты и грязь...

Но я уже неслась по коридору к заветной двери. Глубокое разочарование постигло меня, лишь только распахнула створку. Помещение абсолютно пустое. На полу толстым слоем наклеена бумага да валяется несколько банок из-под краски.

– Не успела ремонт закончить, – пояснила актриса, – предложили новую роль, вот и сделала перерыв. К зиме надеюсь привести всю квартиру в порядок.

Стремясь скрыть досаду, я вытащила сигареты. Да, во всяком случае, Поли с Надей тут нет! Ладно, суну палку в нору и поверчу, авось лиса выскочит.

– Читатели часто просят нас задать коварные вопросы кумиру. Ведь вокруг актеров так много сплетен!

– Что поделаешь, издержки профессии.

– Читательница Сидорова из Москвы интересуется, правда ли, что у вас был роман с актером, режиссером и продюсером Андреем Артамоновым?

Марина улыбнулась:

– Можно не отвечать?

– Эту часть интервью читатели станут изучать особенно тщательно, поймите их интерес.

– Тогда напишите, что нас связывают прочные дружеские отношения, а роман в прошлом.

– Так он был?

– Весьма недолго.

– Анна Сергеевна Петелина из Петербурга утверждает, что Артамонов не дал вам роли Офелии в новой постановке «Гамлета».

– Скажите, какая осведомленность! – восхитилась Воропаева. – Вопрос еще не решен до конца. Андрей пока колеблется между мной и Эльвирой Балчуг. Но, между нами говоря, госпожа Балчуг не слишком подходящая кандидатура.

– Отчего же?

– Из-за внешности. Эльвира смахивает на неумытую цыганку. Смуглая, с карими глазами и черными мелко вьющимися волосами, такие кудри появляются, если передержать химическую завивку. Традиционно Офелию играют светловолосые девушки и, как это ни странно, славянского типа, поэтому, надеюсь, чаша весов склонится в мою пользу.

– Одна маленькая птичка начирикала, что вы предприняли весьма необычный шаг, чтобы получить эту роль.

– Интересно, какой?

– Похитили дочек Артамонова и теперь обещаете вернуть их в обмен на контракт. Двух зайцев убиваете сразу: и ангажемент в руках, и Лида в предсмертном состоянии.

Марина секунду просидела с открытым ртом, потом с нежных губ потоком понеслись такие глаголы и существительные, какие не принято употреблять в приличном обществе. Такие слова называются непечатными. Слушая, как робкая Офелия выдает трехэтажные обороты, я подивилась столь глубокому знанию ненормативной лексики.

Актриса высказывалась подобным образом почти пять минут. Наконец этот грязный фонтан иссяк.

– Знаю, знаю, как зовут птичек, напевших про меня эти гнусности, – нервно проговорила Марина, выхватывая из пачки сигарету, – отлично понимаю, кому это нужно!

– Кому же?

– Лягушке Эльвирке, сучке немой!

– Лягушке?

– Вы эту стерву знаете под именем Риммы Тышкевич. Тоже мне! Полька недоделанная! Да все знают, что она Римка Лягушкина из Подмосковья. То ли в Люберцах жила, то ли в Мытищах. В общем – элита. И отца-то своего никогда не видела, а мать на обувной фабрике подметки клеила... А потом бац – заявляется в театр в прошлом году осенью, прошу любить и жаловать: пани Тышкевич! Оказывается, отыскался ее папулька – будто бы польский граф. Смеху было, все просто уписались! Это надо же – пани Тышкевич!

– За что она вас так ненавидит?

– Послушайте, – топнула изящной ножкой Марина, – не слишком ли вы любопытны? Вы лезете не в свое дело, папарацци чертова!

– Папарацци – фотографы. Однако вы правы, журналист должен сдерживать неумное любопытство, но сотрудник МВД – нет.

– Не поняла, – насторожилась Марина.

– Придется вам простить меня за ложь, на самом деле я майор милиции, работаю по розыску пропавших граждан.

Марина опять раскрыла рот, но на этот раз удержалась от ругани. Я спокойно пускала дым. Надо как-нибудь спросить у Александра Михайловича, есть ли в системе МВД подобная служба и как она на самом деле называется!

– Девочек в самом деле похитили? – снялась наконец с тормоза Воропаева.

Я кивнула.

– Какой ужас! – воскликнула актриса, и было видно, что она и впрямь поражена, а не изображает по актерской привычке чувства. – Терпеть не могла Лидку, но это уж слишком, даже жалко ее!

– Лида Артамонова пыталась покончить с собой, прыгнула под поезд метро, но, по счастью, осталась жива.

– Боже! – прошептала Марина. – Надо позвонить Андрюше, может, помощь требуется.

Маска популярной актрисы свалилась с лица, и стало понятно, что Воропаева, в сущности, совсем незлая. Я вздохнула.

– Марина! Убедительно прошу вас никому не рассказывать о похищении детей. Преступники предупредили, что убьют девочек, если родители заявят в милицию.

– Конечно, конечно, – закивала головой моя собеседница, – не дура, понимаю. А зачем их украли?

Я пожала плечами:

– Пока теряемся в догадках, думаем, здесь замешана какая-нибудь обиженная женщина.

– А, – протянула Воропаева, – так вот почему вы ко мне заявились! Тогда расскажу, что между нами было, и вы поймете, что пришли не по адресу.

Марина попала в театр, в общем, случайно. Готовилась стать киноактрисой и успешно снялась в нескольких лентах, но тут ее близкий приятель создал театральную труппу «У арки». Естественно, предложил Воропаевой ангажемент. Та согласилась. В одном из спектаклей ее и увидел Андрюшка. Артамонов тогда ставил «Чувство и чувствительность» по Джейн Остин. Белокурая Марина идеально подходила на роль Марианны. Одна из двух главных партий, весь вечер на сцене. То ли народ устал от чернухи с порнухой, то ли добрый рассказ о незатейливой жизни английской семьи растрогал зрителя, но спектакль имел просто невероятный успех. Зрители крушили кассы. Лишний билетик спрашивали уже в метро, что просто невероятно в наше-то время. Как иногда случается с актрисами, Марина сразу стала известна, популярна, любима. И, естественно, начался роман с Артамоновым. Ни к чему не обязывающий, легкий флирт – букеты, конфеты, рестораны, постель. Именно в такой последовательности.

Воропаева и не думала разрушать семью Артамоновых, замуж за Андрюшку не собиралась. Но Лидина позиция злила ее ужасно. Иногда женщины сталкивались в самых разных местах, и Лидка при этом подчеркнуто доброжелательно разговаривала с Мариной. Окончательно возненавидела актриса эту гримершу после совершенно невероятной сцены.

Как-то раз в Доме кино собралась шумная тусовка. Артамонов пришел с Лидой, Маринка подошла к ним. В самый разгар приятной беседы вклинился абсолютно пьяный критик Рогов.

– Лидка, – заорал мужик, брызжа слюной, – зачем ты с этой шалавой щебечешь, она же с Андрюшкой спит, все это знают!

Жадный до скандалов народ радостно замер. Но Лидия лишь усмехнулась, взяла Марину под руку и громко сказала:

– У моего мужа отличный вкус, все, чем он обладает, должно быть высшего качества. И потом, разве может мужчина остаться равнодушным при виде столь совершенной красоты? Но досталась она моему Андрюше. С тобой, Рогов, Марина даже и разговаривать не станет. Ведь так?

Воропаевой осталось только кивать и улыбаться. Тусовка загудела. Станным образом у актрисы сложилось полное ощущение, что ее вымазали с ног до головы дерьмом, и она возненавидела невозмутимо улыбающуюся Лидушу.

– Каждый раз потом, встречаясь с Андреем, чувствовала себя так, будто его хитрая мама меня наняла, чтобы сыночек не шляется с кем попало, – делилась Марина.

Роман затух сам по себе. Андрюшка принялся обхаживать другую даму – Эльвиру Балчук.

– Если кому и нужна до усрачки роль Офелии, так это нашей черномазенькой, – злобилась Марина, – у меня уже имя есть и зритель. Ну, подумаешь, в другом спектакле выйду. А у Эльвиры пока одни надежды да амбиции, ей себя показать надо. Да пусть играет, хрен с ней, но просто обидно! Ведь совсем для роли не подходит! Но хитрая бестия. Небось пообещала отблагодарить после спектакля. Кстати, если кто и хотел сделать Лиде вред, так это Эльвирка. Прямо синела, когда ее видела, да и Лягушка тоже...

– Почему?

– Не знаю, – пожала плечами Марина, – скандал там какой-то вышел, вы историю про салат слышали?

– Нет.

Марина оживилась и с удовольствием принялась рассказывать.

Года два назад Артамонов и Лидка сидели в Доме актера в ресторане. Все знали, что у Андрея с Риммой романчик, поэтому, когда в зал вбежала Лягушкина-Тышкевич, посетители замерли, предчувствуя интересные события. И не ошиблись! Быстрым шагом Римма подошла к столику, схватила тарелку с салатом «Оливье» и надела эту емкость на голову Артамонова. Народ просто попадал. Сцена напоминала эпизоды из голливудских кинокомедий. Артамонов вскочил. Густой майонез с овощами и мясом медленно стекал по щекам не ожидавшего ничего

подобного мужика. Римма хохотала. Из кухни со всех ног бежал одышливый метрдотель. Пока Андрюшку освобождали от миски и отводили в туалет, Лида тихонько исчезла.

На следующий день, когда на самом деле довольные «подруги» принялись звонить и высказывать фальшивое негодование, Лида спокойно отвечала:

– Ой, девочки, ничего не знаю, я в этот момент вышла, но по секрету мне рассказали, что Римма поспорила с Никитой Богословским. Старик ее подначил, мол, слабо на Артамонова салат вывалить, а та – не слабо. На кону у них как будто бы тысяча долларов стояла, ну Лягушка и польстилась. Хулиганство, конечно, но она вечно в долгах. Мы с Андрюшкой всю ночь хохотали. Жалко, что камеру не захватили. А костюм... черт с ним, ради такого веселья не жаль.

Я вышла от Марины и поглядела на часы – семь. В такое время ни безобразницы Риммы, ни жаждущей славы Эльвиры, конечно же, дома нет. Поеду в Ложкино, отдохну и сделаю несколько звонков.

ГЛАВА 7

Уже в холле я почувствовала запах гари и испугалась.

– У нас пожар?

– Нет, – захихикала Маня. – Зайка пирог печет.

– С яблоками и курагой, – уточнил, ухмыляясь, Аркадий.

В кухне стояла дымовая завеса. Сидевшие на пороге собаки отчаянно чихали. Возле мойки, над формой, наполненной чем-то черным, стояла Зайка. Ее фигура выражала отчаяние.

– А все ты виновата, – неожиданно набросилась она на меня.

– Да я только вошла!

– Когда покупали плиту, я хотела «Бош»! А ты приобрела «Индезит»!

– Ну и что? – растерялась я.

– А то, что «Бош» дает гудок, если в духовке начинает дымить, а «Индезиту» на это наплевать. Так что из-за тебя все сгорело.

Я подошла к мойке, понюхала форму.

– Бабушка брала терку и соскребала черноту.

– Да? – воодушевилась Зайка. – Попробуем.

Она потрясла форму, и оттуда шмякнулся на блюдо какой-то непонятный кусок, больше всего напоминающий гранитный памятник. Из шкафчика достали терку, и горелые ошметки полетели в разные стороны. Банди отчего-то завыл, а Снап застонал.

– Цыц, противные! – рявкнула Зайка. – С чего это рыдать задумали?

– А они так реагируют на черный цвет, думают, что у нас похороны, – подал из коридора голос Аркадий.

Не обращая внимания на эти издевательства, Ольга сдула с пирожка черные крошки и оглядела произведение своего кулинарного искусства.

– Прекрасно, – довольно сказала она, – сейчас посыплем пирог сахарной пудрой и станем пить чай, иди в столовую.

Я послушно направилась к столу и в кресле у окна обнаружила Александра Михайловича, ласково поглаживающего Хуча и Жюли.

– Ты чего прячешься?

– Боялся Ольге под горячую руку попасть, – усмехнулся полковник, – она тут на реактивной метле летала и плевалась огнем, как Змей Горыныч.

Мопс блаженно шурился на его коленях. Вообще-то Хуч принадлежит полковнику. В свое время мы пригласили Александра Михайловича на лето в Париж и познакомили там с французским коллегой – комиссаром Жоржем Перье. Как мужчины договорились между собой – понять невозможно. Жорж знает два слова по-русски – «икра» и «водка», полковник, в свою очередь, может, слегка путая падежи и предлоги, выдать на французском текст «Москва – столица». Но после двух бутылок бордо они начали переговариваться весьма бойко и остались вполне довольны друг другом. У них много общего. Оба убежденные холостяки, отдающие все силы любимой работе. К тому же издали обоих борцов с преступностью можно принять за близнецов – они лысоватые, толстенькие, брюшко над слегка мятыми брюками нависает. Вдобавок и тот, и другой любители вкусно поесть и выпить пива. В день отлета полковника в Москву Жорж привез в аэропорт корзиночку.

– Пусть он напоминает обо мне, – заявил комиссар.

Внутри на голубой подушечке мирно спал месячный щенок мопса по кличке Хуч. Александр Михайлович поначалу честно пытался заменить ему отца и мать. Но собачку такого возраста полагается кормить шесть раз в день, а еще надо утешать по ночам, играть днем...

Короче, через две недели Хуч перебрался к нам, а Александр Михайлович стал исполнять роль папы по воскресеньям.

Под светлой шерсткой Хуча бьется любвеобильное сердце, и в нашем доме он не только в роли любимого ребенка, но и заботливого отца собственного семейства. Самые нежные взаимоотношения связывают его с йоркширской терьершей Жюли. Плоды брака – щенков невероятной породы «ложкинский мопстерьер» – мы раздаем по знакомым. Делать это каждый раз все труднее, потому что и дальние, и близкие приятели уже, по выражению Мани, омопсачены. Несколько раз полковнику удавалось, используя положение начальника, навязывать «внуков» подчиненным, а в последний раз пришлось стоять с корзиной у «Макдоналдса» на Тверской. Ехидный Кеша издевательски предложил Александру Михайловичу заглянуть в карточку условно досрочно освобожденных.

– Вот кому нужно предлагать щеночков от полковника, – похохатывал мой сынуля, – хорошо воспитывает, нормально кормит – на свободе гуляет, недоглядел за собачкой – снова мотай на зону.

Приятель мой только крикнул, но ничего не сказал...

– Ну, – запричитала входящая Ольга, – почему еще не сели?

Она поставила в центр стола блюдо, на котором лежал вполне симпатичный пирог. Если не знать, как этот шедевр рождался на свет, съешь за милую душу.

Домашние с подозрением уставились на выпечку, щедро обсыпанную толстым слоем сахарной пудры.

– Приступайте, – распорядилась Ольга и положила мне большущий кусок.

Я принялась: легкий запах ванили и чего-то кислого. Была не была. Закрыв глаза, храбро куснула многострадального погорельца. Да, Зайке удалось достичь удивительного эффекта – сверху бисквит почернел, а внутри чуть сыроват. И все же не так уж и плохо. Только странный вкус у пудры – пресный какой-то и на зубах противно скрипит.

Видя, что я, откусив кусок, не свалилась на пол и не забилась в предсмертных конвульсиях, домашние тоже начали пробовать свои порции. Минуту-другую стояла тишина. Потом полковник спросил:

– Сверху-то что?

– Пудра, – ответила Зайка, пока еще не прикоснувшись к пирогу.

– Вижу, что пудра, – продолжал Александр Михайлович, – а из чего?

– Как из чего? – обозлилась вконец Ольга. – У тебя во рту вкус пропал? И вообще, какая еще может быть пудра? Сахарная, конечно!

– Нет, не похоже, – засомневался полковник и протянул Хучу кусочек.

Хучик, страстный любитель печеного и сладкого, ловко ухватил подачку и тут же выплюнул. До сих пор он отказывался только от одного вида еды – бутафорских бананов из картона, их Маня купила в магазине «Смешные ужасы».

Воцарилась тишина. Зайка схватила ложку, засунула свою выпечку в рот и ахнула:

– Да это же крахмал! Я обсыпала такой вкусный пирог крахмалом!.. Конечно, несъедобно!..

Она выскочила за дверь, из коридора донеслись всхлипывания. Аркадий понесся следом.

– Заинька, – уговаривал он жену, – страшно вкусно, просто пальчики оближешь, хочешь, съем весь пирог?

Манюня с грохотом отодвинула тарелку и накинута на смущенного Александра Михайловича:

– Ну кто тебя просил уточнять, что ты ешь? Все-таки профессия определенно накладывает на человека отпечаток! Да какая разница, чем пирог обсыпан, итак понятно – отраву дали, гадость жуткую. Ешь и молчи! Зайка весь день его пекла!

Полковник сконфузился окончательно. Хуч, опасливо нюхавший бисквит, принялся чихать.

Допив чай, я положила несчастный пирог в пакет: выброшу в помойку у ларьков, чтобы Зайка не нашла свое произведение в ведре. Скажу потом, что стряхнули крахмал и съели с превеликим удовольствием.

Александр Михайлович молча брел рядом по улице.

– Не расстраивайся, – пожалела я его. – Скоро Катерина после свадьбы вернется, и Зайка перестанет экспериментировать.

– Да я не из-за этого, – отмахнулся полковник, – день тяжелый выдался, и вообще грустно как-то и противно... и страшно одновременно.

– Почему? – Я присела у ларьков на лавочку.

– Чего только не навидался на работе, – вздохнул полковник, – пора бы вроде ко всему и привыкнуть... Я делю преступников на несколько групп. Одни – просто придурки, не умеющие себя занять люди. Напились, подрались, схватились за ножи или сковородки, или табуретки, или что там еще под руку попало. В результате один в морге, другой в СИЗО. И жалко их, и зло берет... Других просто довели до преступления. Отец каждый день избивал дочь, в конце концов она его облила спящего кипятком из чайника. Или возьми такую расхожую историю – приехал мужик из командировки на день раньше, жена в кровати с другим. Он ее треснул как следует и убивать-то не хотел, случайно вышло... Этих можно только пожалеть. Есть и такие, кто сознательно шел на преступление, планировал, готовился... В последнее время появились наемные исполнители. Самое интересное, что и этих я понимаю. Как правило, без всяких нравственных тормозов – просто зарабатывают, как умеют... мерзкие, словом, личности. Но ужас состоит в том, что по улицам ходят сейчас полные отморозки! Пойми правильно, не душевнобольные люди, не маньяки, не клиенты психиатра, а рядовые граждане, готовые на все. И здесь я перестаю что-либо понимать. Мораль у них до крайности проста: не нравится мужик – машину во дворе моет – убью, собака написала возле подъезда – застрелю и ее, и хозяина... Вчера две девчонки, пятнадцать и семнадцать лет, сестры между прочим, убили семидесятилетнего старика, соседа по лестничной клетке. Нанесли двадцать ножевых ранений, просто искромсали дедулю в лапшу. Мотив: им показалось, что дед напустил на их семью порчу! Представляешь?!

Я только развела руками: ну что тут скажешь?

– Сегодня тоже ничего себе история... – продолжал изливать душу полковник, – опять две сестры, но на этот раз одна убила другую, а потом с собой покончила. Мотив – младшая получила роль в кино, а старшая – нет. Налила сестричке в чашку яду, смотрела, как та мучается, не вызвала врача. А потом, видно, испугалась и тоже приняла отраву. Спрашивается, чего им не жилось? Две красавицы, молодые, здоровые. Одна блондинка, другая брюнетка, девочки – просто загляденье! Нет, определенно народ сошел с ума...

– Как их звали, – уже зная ответ, спросила я, – девочек этих?..

– Анна и Вера Подушкины, – произнес ничего не подозревающий полковник.

У меня закружилась голова, хорошо, что сидела на скамейке. Рассказать ему о роли Веры в похищении детей? Нет, пока подожду. Иначе слова больше не проронит.

– Действительно ужасно! Как же такое произошло?

Оказывается, около одиннадцати утра соседка обнаружила, что дверь Подушкиных открыта. Думая, что безголовые девчонки забыли запереть замок, женщина заглянула в холл и позвала их. Но в квартире молчание и запах гари. Испугавшись пожара, соседка прошла в комнату и обнаружила на диване лежащих рядом бездыханных Аню и Веру. Анна аккуратно уложена, Вера вся скрючена. На плите в кухне мирно сгорала на медленном огне кастрюлька с геркулесовой кашей. Кто-то из девочек готовил завтрак.

На обеденном столе белела напечатанная на компьютере записка: «Жить не хочу, все счастье досталось Аньке. Но не играть ей роли в фильме. Прощайте, Вера». Рядом тихо гудел лазерный принтер и кружился на экране красно-белый виртуальный мячик...

Проводив Александра Михайловича, я в задумчивости побрела домой. Неужели Вера решила на подобный поступок? Было в ее лице что-то злое и порочное, но все равно не похоже, что она способна на самоубийство. А что, если их убили? И это могли быть те люди, которые испугались длинного языка старшей сестры, короче говоря, похитители девочек. Но Аню-то за что? Нет, надо определенно все выяснить. Если оба дела связаны, расскажу обо всем Александру Михайловичу, тогда он получит основания для розыска Поли и Нади.

Я схватила трубку и набрала номер Артамоновых. Подошел Андрюшка.

– Как дела?

– Никак. Лида без сознания, дышит при помощи какого-то аппарата. Зрелище не для нервных.

Вот в этой фразе весь Андрей, не жену ему жалко, а себя, любимого!

– У тебя был роман с Тышкевич?

– С Лягушкой? Ерунда, просто пару раз в ресторане сидели.

– Не ври.

– Ну на дачу съездили как-то, ей-богу, и все. Это не роман, а так... перепихон.

От злости я швырнула трубку, и маленький «Эрикссон» обиженно заморгал зеленой лампочкой «смените батарею». Яростно роясь в телефонных внутренностях, я злобно повторяла: «Перепихон». Тоже мне Казанова!

На следующее утро пришлось решать непростой вопрос. Куда отправиться вначале? Допрашивать Лягушку и Эльвиру Балчуг? Расспрашивать соседку Подушкиных? Навестить Лиду в больнице?

Пораскинув мозгами, решила начать с Лягушки. Новоявленная полька жила в более чем скромном квартале – Теплом Стане.

«Интересно, почему данное место назвали теплым?» – думала я, ежась от пронизывающего ветра, который моментально залез под куртку, стоило только вылезти из машины. И подъезд, и лифт, и квартира оказались обычными, без всяких прикамбасов типа волосатых ковров и белой кожи на стенах.

Самый обычный антураж – крошечная прихожая с грудой туфель и шаткой вешалкой. Меня провели сразу на кухню, которая свидетельствовала, как медленно растет благосостояние хозяйки. Стиральная машина «Канди», плита «Электролюкс», зато холодильник и телевизор отечественные, старенькие, и мебель допотопная – серый пластик в розовый цветочек. У самой когда-то то же самое было. Зато Лягушка выглядела ослепительно. Узенькие черные брючки выгодно подчеркивали длинные ноги актрисы, зеленая кофточка удивительно шла хозяйке. Римма оказалась рыжей, с молочной кожей, чуть тронутой редкими веснушками, и светло-зелеными глазами. Волосы она собрала сзади в тугий пучок, спереди легкая челка и колечки волос. Кажется, понятно, чей образ Лягушка взяла за образец. Николь Кидман! Модная голливудская рыжеволосая дива. Получилось довольно похоже, да и возраст у них примерно одинаковый, около тридцати.

Когда я покидала Воропаевых, Марина предупредила – Эльвира просто дура, а Римма – умная и хитрая. Ни той, ни другой ни в коем случае нельзя говорить, что у Артамоновых пропали дочери. Одна по глупости, а другая по злобе растреплет. И теперь предстояло аккуратно выяснить, что за обида на Андрюшку тлеет в душе Риммы.

– Ваш адрес, – начала я с ходу, – дал мне господин Артамонов.

– Да? – вздернула бровь Лягушка. – Что за проблема у Андрея?

– Насколько мне известно, никаких, – бодро ответила я, – просто посоветовал пригласить вас на роль.

– Классика или современная пьеса?

– Абсолютно современная, – заверила я ее, – типа мюзикла, с переодеванием...

– Нет, что он себе думает? – Римма раздраженно забежала по кухне. – Я актриса трагического плана – Медея, ну, в крайнем случае, Чехов. Мне подвластны любые чувства, глобальные, конечно. Мюзикл! Как только ему в голову это пришло!

– Жаль, – притворно огорчилась я, – предполагали потом возить спектакль по нашей области, зритель благодарный: шахтеры, крестьяне. Опять же заработок отличный.

– Так вы не из Москвы! – возмутилась Лягушка.

– Уральские горы, – пояснила я с достоинством, – край самоцветов и металлургов.

От злости у Лягушкиной пропал голос, и несколько секунд актриса шумно дышала. Так сопит обиженный Хуч, когда Маня отнимает у мопса вредное сладкое печенье.

Наконец Римма решила не убивать нахальную провинциалку и сухо заявила:

– Простите, такое предложение не для меня. Кататься по клубам – маленькое удовольствие, поищите сразу менее известных... сходите в «Щуку», ГИТИС, может, кто из студентов захочет подработать.

– Неудачно вышло, – пробормотала я, – Андрей Артамонов меня заверил, что вы сидите без работы и хватаетесь за любое предложение.

Римма побагровела. Видя эффект, я продолжала жать на ту же педаль:

– Абсолютно уверенно говорил, что в Москве, пока он жив, вам не предложат никакой роли, я и подумала, что вы сразу ухватитесь за наш мюзикл!

Лягушкины щеки быстро меняли окраску от светло-розовых до баклажанно-синих.

– Ну скотина, – процедила она, все же стараясь не потерять лицо. – Ну сволочь. Ладно-ладно. Тоже мне Хичкок нашелся. Не один в столице продюсер...

– Еще он всем сообщает, что у вас отвратительный характер, – подлила я масла в огонь, – рассказывал историю про миску с салатом, предупреждал, что вы ради денег готовы на все...

– При чем тут деньги? – удивилась Римма.

– Он говорил, что вы поспорили с Никитой Богословским на тысячу долларов...

– Это Лидка придумала, стервятница, лахудра хитрая, – возмутилась Римма, – да не так все было.

Я поглядела на ее пышущее гневным негодованием лицо, закурила сигарету и стала слушать.

Андрей Артамонов дал Лягушкиной небольшую роль в спектакле «Привидение». Всего два выхода на протяжении двух актов. В общем, «кушать подано», или, как говорят балетные, «седьмым лебедем у пятого пруда». Естественно, Римме хотелось большего. Но ситуация на подмостках сейчас такова, что выбирать не приходится, хватай, что дают!

Но произошло событие, широко описанное в литературе. Актриса, исполнявшая главную роль, за пять минут до выхода на сцену, буквально в кулисе, упала с сердечным приступом! За сценой все заметались в ужасе. Времени, чтобы вызвать из дома дублершу, нет. Зрители уже начали в нетерпении хлопать в ладоши. И тут настал звездный час Лягушки. Она объявила, что отлично знает роль и готова заменить больную. Андрюшка схватился за голову, но отменять спектакль... Скандал! Лягушку срочно переодели, и действие понеслось. Сыграла она, кстати, неплохо.

Вечером все участники, довольные, что спектакль состоялся, отправились к Артамонову на дачу – праздновать премьеру. Хорошо и много выпили, в конце концов Римма оказалась в постели режиссера.

Утром она просто светилась от счастья. Удача пролилась дождем на кружившуюся голову: и роль, и влиятельный любовник. В мечтах Лягушка уже играла весь репертуар московских театров, не хватало только паровоза, который вытащит ее из ямы нищеты и неизвестности...

Но радужные надежды оборвались сразу. В пять часов вечера, когда Римма старательно готовилась выйти на сцену главной героиней во второй раз, распахнулась дверь гримерки и помреж сообщил, что больная в полном порядке и Лягушка опять играет «смышленную служанку». Римма кинулась к Андрею. Тот снисходительно похлопал женщину по плечу:

– Ты уж извини, но спектакль ставили для Татьяны. Молодец, конечно, что выручила, но эта роль для другой актрисы.

– А нельзя ли играть по очереди? – попросила Римма.

– Конечно, – не задумываясь, пообещал режиссер, – поставлю тебя третьим составом.

Но в качестве главной героини Лягушкина больше в этой пьесе на сцену так и не вышла. Артамонов пообещал ей всенепременно бенефис в новой постановке. Но следующей премьерой оказался «Севильский цирюльник». Всего одна подходящая роль – Сюзанна. И она досталась Марине Воропаевой. Обозленная Римма ворвалась в кабинет к Артамонову и обозвала его лгуном. Андрей спокойно объяснил трясущейся от негодования девице, что спектакль – дело коммерческое. У Воропаевой имя, на нее охотно пойдет зритель. Римма же пока не популярна. Рисковать огромными суммами ради дамских капризов он не намерен. Вот в следующей постановке обязательно.

– Знаю, где расположено популярное имя Воропаевой – между ног, – завопила Римма. – Или даешь Сюзанну мне, или сегодня же сообщаю твоей жене, какие мягкие матрасы у нее на даче, в спальне...

Но Артамонов только усмехнулся:

– Во-первых, Лидка тебе не поверит, во-вторых, у нас контрактная система, актеры набираются на определенную постановку. Твой договор истек вчера, а новый я оформлять не собираюсь.

То есть он практически выгнал Лягушку на улицу. Потерявшая голову актриса тут же позвонила Лиде. Та молча выслушала подробности супружеской неверности Андрея и сказала без всяких эмоций:

– Спасибо, Римма, очень вам признательна.

– За что? – растерялась от такой непонятной реакции несостоявшаяся Сюзанна.

– Видишь ли, после родов все болею, никак не оправлюсь, и мне приятно знать, что Андрюша не ходит по проституткам, а пользуется услугами аккуратных женщин. Очень боюсь заразы – сифилиса, триппера. А ты ведь здорова, так что мне можно не беспокоиться. Да не сомневайся, мы люди благодарные. Поговорю с мужем, попрошу, чтобы подыскал тебе рольку поинтересней.

– Я так трубку швырнула, – поделилась со мной Римма, – что аппарат пополам треснул. Ну не сука ли?

Да уж, молодец Лидка, спуску никому не давала, и даже мне, лучшей подруге, ничего, порочащего блудливого супруга, не рассказывала.

Пообщавшись с Лидусей, Римма влила в себя бокал коньяка и отправилась в ресторан, чтобы привести растрепанные нервы в порядок. Первые, кого она увидела в уютном зале, оказались нежно улыбающиеся друг другу Артамоновы. В глазах у Лягушки помутилось. Сначала она хотела просто выйти, но потом тихий внутренний голос шепнул актрисе: «Действуй по обстоятельствам». И она с чувством глубокого удовлетворения надела на Андрюшку миску...

Тут входная дверь распахнулась, и из коридорчика донесся приятный голос:

– Кошечка, ты где?

– Здесь! – крикнула Римма.

В комнату вошел мужик лет сорока. Одного взгляда, брошенного на него, было достаточно, чтобы понять, кто таков вошедший. Короткая квадратная шея, миллиметровый слой волос на крупной голове... На груди золотая цепь толщиной почти с мою ногу, на пальцах парочка килограммовых перстней, из-под них высывались синие следы татуировок.

Огромными, похожими на свиные окорока руками мужик держал пакет, откуда выглядывали банки и горлышки бутылок.

– Кошечка моя, – ласковым, абсолютно влюбленным голосом проворковал вошедший, – познакомь, в натуре, с подружкой.

Вот уж не думала, что подобный монстр способен на такие нежности.

– Это не подружка, – одернула его Римма, – а работодатель. Решила, что я нуждаюсь в ролях и поеду за длинным рублем в тмутаракань.

Кавалер брякнул торбой об стол.

– Римма – звезда, – без тени сомнения заявил он, – мы сейчас станем кино снимать, а она главной будет. Жуткая вещь! Чуть не расплакался, когда прочитал. Страшное дело, из-за любви оба погибли. А все родители виноваты. «Ромео и Джульетта» называется, может, слыхала? Уже со всеми договорился, прямо на днях начинаем...

Он с нежностью поглядел на Лягушку. Та весьма горделиво на меня.

– Так что можете передать Артамонову – не нуждаюсь в его подачках. У нас с мужем большие планы.

– Вы вышли замуж? – немедленно отреагировала я. – Андрей мне говорил, что вы свободны...

– Ровно неделя сегодня, – пояснил мужик, и неожиданно стало понятно, что он очень молод, скорей всего и двадцати пяти еще нет...

Сев в «Вольво», со спокойной душой вычеркнула Лягушку из списка подозреваемых. Конечно, она страшно зла на Артамонова, но достаточно удачно, по ее понятиям, вышла замуж, приобрела, как видно, состоятельного супруга, готового ради нее даже читать Шекспира. Девочки ей явно ни к чему. Теперь надо прощупать Эльвиру Балчуг.

Новая муза Андрюшки обитала на улице с замечательным названием Последний тупик. Наверное, приятно отвечать на вопрос: «Где живете?» Тут, рядышком, в Последнем тупике!

Магистраль и впрямь оказалась тупиком на задах Савеловского вокзала. Вокруг – бесконечные гаражи и автомастерские. Единственный жилой дом выглядел отвратительно – грязно-серая пятиэтажка. Швы между блоками, заделанные черной штукатуркой, издали кажутся измазанными дегтем. В подъезде везде выбиты стекла, а на лестничной площадке третьего этажа похрапывает пьяный мужик. Я переступила через него и позвонила в дверь с номером 28.

Послышался топот и детский голосок:

– Кто там?

– Здесь живет Эльвира Балчуг?

– Что хотите? – упорствовал ребенок, не отпирая замка.

Потом раздались возня, шлепок, негодующий вопль, и на пороге возникла очаровательная девушка, почти девочка. Марина Воропаева права, назвав Эльвиру цыганкой. Копна черных мелковьющихся кудрей, огромные карие глаза, летящие к вискам брови и нежно-оливковый цвет кожи. К тому же на Балчуг – ярко-красное платье с широкой юбкой. Ей бы выступать в ансамбле «Ромэн». Интересно, каким образом Андрюшка намеревался превратить данный персонаж в Офелию?

– Вы ко мне? – спросила девушка.

– Да, – твердо сообщила я и решительно протиснулась в прихожую. Из коридора выглядывали две детские головки с любопытно раскрытыми ртами.

– Я от Артамонова.

– Проходите, – вспыхнула огнем Эльвира.

Мы прошли в комнату. Всего их в квартире две. Из большей, метров двадцати, дверь вела в меньшую, очевидно, совсем крохотную. Не успели мы сесть за покрытый плюшевой скатертью стол, как две любопытные малышки примостились рядом, явно желая поучаствовать в разговоре. Из кухни выглянула древняя бабка.

– Вирочка, – прогундосила она, – гость пришел? Ты стели кроватку-то, чистое белье в шкафу возьми.

Балчуг так и подскочила на стуле, потом, нервно закрывая дверь на кухню, пробормотала:

– Пожалуйста, не обращайтесь внимания. У бабули был инсульт, и она ничего теперь не соображает, чушь несет.

– Что это ты про меня глупости рассказываешь? – заколотилась из кухни сумасшедшая. – Всегда ведь гостей спать укладываешь!

Девчонки захихикали, одна начала сосредоточенно ковырять в носу, другая принялась грызть кончик карандаша.

– Катя, Таня, пошли бы вы погуляли, – решила избавиться от них Эльвира.

– Нам мама не разрешает одним во двор выходить, – немедленно хором отозвались сестры.

Балчуг вздохнула и уставилась на меня бездонными глазами.

– Я старшая сестра Артамонова.

Услышав это заявление, Эльвира моментально потащила меня в маленькую комнату и закрыла дверь на замок.

– Чего хотите?

– Не хочу, а требую оставить Андрея в покое. Какого черта вы лезете в семью? Там двое детей, между прочим.

Балчуг отбежала к окну и зашипела:

– Вот еще. К вашему сведению, семьи давно нет. Андрей не любит жену и собирается разводиться. Он с ней уже год не спит! Она его не понимает!

Я с сочувствием поглядела на девчонку. По виду ей не больше двадцати. Ничего, скоро поймет, что мужчины страшно не любят разводиться и жениться на любовницах. А сказку про непонятость и одинокую постель рассказывают таким дурочкам охотно.

– Мой вам совет, – начала я наставительно, – оставьте Андрея в покое. Не вашего поля ягода. Поищите другой объект, помоложе. Кстати, у Артамоновых дома полное понимание. Лида на таких, как вы, просто внимания не обращает. Андрей человек поэтического склада, вот и заводит постоянные романы. Но жену никогда не бросит. Знаете, сколько у него в постели перебывало? Тучи. И Марина Воропаева, и Римма Лягушкина... Так что не надейтесь.

Злые слезы выступили на глазах Эльвиры, она топнула ногой и свистящим шепотом стала возражать:

– Ничегошеньки-то вы не знаете! Лидка – гримерша. Только и умеет щеки румянами мазать. А я – творческая личность. Андрей восхищается моим талантом. Между прочим, решил ставить «Гамлета» и Офелию отдает мне. Я – его муза!

Я присвистнула:

– Муза! Офелия! Наверное, принца Датского станет играть Костя Райкин?

– Да вы в своем уме! – оскорбилась Эльвира. – Он же старик и урод!

«А кто сказал, что Гамлет был красавцем?» – подумала я, но вслух уточнила:

– Во-первых, Райкин не намного старше Андрея, а во-вторых, подходит вам внешне – такой же смуглый...

Балчуг прямо задохнулась от злости. Наверное, очень хотела выгнать меня вон, но ругаться со старшей сестрой любовника все же опасалась.

– Артамонов страшно талантлив, – ринулась она отстаивать свою позицию, – он пьесу прочитал по-своему. Нетрадиционно взглянул на текст. Да, обычно Офелию играют голубоглазые блондинки, но в этом-то и весь кайф, чтобы в его постановке на сцену вышла брюнетка. Вам этого не понять. Чтобы оценить подобный замысел, следует быть творческой личностью, а не мещанкой с авоськой! Это революция на сцене, шок, новое видение! И, между прочим, на роль Гамлета приглашен Юрий Костомаров!

Произнеся это имя, девчонка торжествующе поглядела на меня. Костомаров – самый модный сейчас актер, успевший засветиться за последние два года чуть ли не в десятке кинолент. Парню удалось даже принять участие в съемках какого-то фильма в Голливуде, и после этого рейтинг его в Москве подскочил до недостижимой высоты. Да, Андрюша решил подготовить для своей дамы сердца ослепительную взлетную площадку. Увидав в афише фамилию Костомаров, народ валом повалит в театр и проглотит любую Офелию.

– Ну еще не факт, что вы получите роль, – решила я остудить пыл Эльвиры.

Балчуг рванулась к письменному столу, с треском выдвинула ящик и сунула мне в руки листок бумаги. Контракт!

– Ну что? – торжествующе сверкнула она блестящими глазами. – Видали?

Да уж, Андрюшка не терял зря времени, вот старый греховодник!

– Ладно, – попыталась я изобразить понимание, – вижу у вас с братом все серьезно.

– Очень, – радостно подтвердила Эльвира, – у нас настоящая страстная любовь. Я буду его любимой, единственной, ведущей актрисой, как Мазина у Феллини. Мы поставим десятки пьес – Чехов, Шоу, Ибсен, Шекспир... О, я чувствую в себе столько сил! У режиссера должна быть муза. Только влюбленные могут подняться к вершинам.

Я молча слушала наивные благоглупости. И стало жаль бедняжку. Через два-три месяца Андрей найдет новый предмет обожания, и Эльвире придется туго. Тяжело падать с вершины таких надежд мордой об пол.

– Но как же Лида и дети? – прикинулась я озабоченной.

– Ну... – замялась Эльвира, – станем помогать бывшей семье материально, пусть в гости ходит, возражать не буду. Дети-то уже большие, не младенцы, слава богу.

– Андрей очень девочек любит!

– Я рожу ему сыновей! – заявила дурочка.

Усаживаясь в «Вольво», не переставала удивляться. Ну надо же оказаться такой наивной и всерьез надеяться на брак с Артамоновым. Впрочем, это личное дело Андрюшки, как он станет в данном случае выпутываться. Для меня сейчас важно другое. У Балчуг нет никаких оснований похищать Полю с Надей. Безусловно, существование Лиды ее злит, но Эльвира ощущает себя счастливой соперницей рядом с покинутой женой. Роль уже получила, в любви Андрюшкиной абсолютно уверена, ну зачем ей девочки?

Следовало признать, что и здесь у меня облом.

Тяжело вздохнув, я порулила к Подушкиным. Соседка из квартиры напротив, милосердная женщина лет пятидесяти, с простым, интеллигентным обликом, несколько удивилась визиту «майора милиции».

– Ваши коллеги меня уже посещали, – заметила она.

– Возникли еще вопросы, – ответила я, входя в квартиру.

Такая же комната, как у Подушкиных, только интерьер другой. Повсюду книги, журналы... На огромном письменном столе компьютер и какие-то непонятные приборы.

– Давно знаете соседей?

– Меня зовут Юлия Сергеевна, – представилась женщина, – с девочками знакома с рождения. Их отец, Павел Константинович, мой коллега по работе.

– Это интересно! – сказала я. – Расскажите поподробней.

Юлия Сергеевна улыбнулась:

– Боюсь, что не сообщу каких-либо полезных для вас сведений.

– Нас интересует любая информация.

Юлия Сергеевна стала рассказывать. Она математик, кандидат наук, всю жизнь работает в одном НИИ. Павел Константинович – профессор, доктор наук, заведует отделом, но не тем, где трудится Юлия Сергеевна Фомина, а другим.

Когда институт построил в Бутове кооператив, Фомина оказалась на одной лестничной клетке с Подушкиными. Отношения у них установились хорошие, близкие. Иногда одалживают друг у друга соль, спички, да все, что угодно. Пока девочки ходили в школу, у Юлии Сергеевны хранились ключи от соседской квартиры. Возвращаясь домой, сначала Вера, а потом и Аня звонили в дверь к Фоминой. И Павел Константинович, и мать – Карелия Львовна, просто горели на работе, пробиваясь на самый верх научного Олимпа. Юлия Сергеевна же вполне была довольна статусом кандидата наук и имела только один присутственный день в неделю.

– Аня – хорошая девочка, – вздохнула Фомина. – Добрая, спокойная, отзывчивая. Если видела, что я плохо себя чувствую, всегда бегала в магазин или аптеку и всегда безотказно. Вера обладала другим характером. Очень уж ревновала, когда Аня родилась, – вспоминала Юлия Сергеевна. – И разница в возрасте у них, можно сказать, никакая, а поди ж ты... Все требовала, чтобы ей покупали вещи, игрушки первой. Постоянно кричала: «Я старше!» Даже за столом вечно приглядывала, чтобы сестре, не дай бог, больше не положили... Могла сливы в тарелке пересчитать или клубнику... До смешного доходило – один раз у Анечки посреди зимы сапожки развалились, и ей купили новые. Так Вера не успокоилась, пока такие же не вытребовала. И ведь не нужны были, а все равно – раз Ане купили, и ей подавай.

Юлия Сергеевна как-то прямо сказала Карелии Львовне, что не следует потакать капризам старшенькой. Но мать только отмахнулась. Денег в семье достаточно, и приобретение лишних сапог не обременительно.

Так они и росли. Когда Ане исполнилось двенадцать лет, стало ясно, что девочка становится удивительной красавицей. Все обращали на нее внимание, и Вера страшно злилась. Лицо старшей было тоже приятным, с правильными чертами, но чего-то ей не хватало. Всего лишь милая мордашка, не более того. Старшенькая отпустила волосы до плеч, потом стала пользоваться косметикой... Когда Аня перешла в десятый класс, ее пригласили на съемки телевизионного фильма. Вера, к тому времени студентка театрального вуза, просто перекосилась от зависти. Накануне съемок Вера принесла тюбик с маской для лица и предложила сестре воспользоваться кремом:

– Будешь завтра как бутончик.

Обрадованная Анечка намазала личико и посидела с маской двадцать минут – так написано на упаковке. Когда же смыла белую, резко пахнущую массу, из зеркала на нееглянула физиономия, похожая на кусок сырой говядины. Расстроенная до слез Верочка кинулась накладывать на горевшие щеки сестры питательный крем, но стало только хуже. Аня, утирая слезы, приготовила компрессы из ромашки. Пришедшая Карелия Львовна, хорошо владевшая французским языком, обнаружила, что в картонной упаковке с рекламой «Омолаживающий гель» на самом деле – средство для чистки серебра. Анечка, не читавшая по-французски и не понимавшая надписей на тюбике, нанесла на лицо эту едкую массу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.